

«Лучшая книга месяца»
по версии Amazon

Сабрина Джеффрис

ОТЧАЯННЫЙ
ХОЛОСТЯК

18+

с в е т с к и й р о м а н

Сабрина Джеффрис
Отчаянный холостяк
Серия «Светский роман:
дневники дебютантки»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58558836
Отчаянный холостяк: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-116021-0

Аннотация

Леди Гвин Дрэйк удавалось сохранять репутацию своей семьи, скрывая порочную связь – ошибку молодости, пока ее бывший поклонник не появился в Эрмитэдж-холле, угрожая поведать секрет широкой публике. Брат Гвин нанимает Джошуа Вулфа, егеря поместья и героя войны, чтобы защитить сестру от посягательств. Взяв на себя обязательство, Джошуа не может не выполнить свой долг, но для него все большей пыткой оказывается близость красавицы, которую он призван защитить. Тем временем Гвин должна решить, что для нее рискованнее – подвергнуться преследованию негодяя или открыть свое сердце суровому телохранителю...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	43
Глава 4	61
Глава 5	72
Глава 6	94
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Сабрина Джеффрис

Отчаянный холостяк

Из газеты «Лондонское общество»

БЛИЗНЕЦЫ ГЕРЦОГИНИ ЭРМИТЭДЖ ПОКОРЯЮТ ЛОНДОН

И снова, дорогие читатели, мне удалось раскопать пикантные сплетни, чтобы повеселить вас. Можно было бы ожидать, что герцогиня Эрмитэдж подождет положенный год перед тем, как представлять высшему обществу свою дочь леди Гвин Дрейк. Но вдовствующая герцогиня снова демонстрирует пренебрежение к правилам, установленным в обществе воспитанных людей, и это шокирует. Ее дочь будет представлена при дворе *в этом сезоне*. Конечно, пойдут разговоры, а молодая женщина, несомненно, обеспечит достаточно поводов для них — другого ожидать не приходится. Леди Гвин точно доставит нам всем удовольствие и всех позабавит. По крайней мере, ее матушка оказалась достаточно мудра, чтобы следовать хоть *каким-то* правилам приличия для женщины, овдовевшей всего *полгода* назад: мне сообщили, что она не станет посещать никакие мероприятия вместе с дочерью. Вместо нее леди Гвин будет представлять при дворе близкая подруга герцогини леди Хорнсби, которую

большинство считает исключительно добродетельной женщиной.

Несомненно, что возраст леди Гвин (а ей уже исполнилось тридцать) является причиной такой поспешности ее матери, которая хочет побыстрее выставить дочь на ярмарке невест, как чистопородную лошадь выводят для завоевания призов на Дерби, хотя, судя по слухам, наследница очень даже привлекательна внешне. Ваш покорный слуга слышал, что характерец у нее, как у брата, герцога Торнстока – оба горячие и темпераментные. Так что, вероятно, лишь очень немногих джентльменов остановит ее возраст, в особенности если в награду дается огромное приданое.

К этому можно добавить, что единоутробный брат леди Гвин, герцог Грейкурт, также в этом сезоне будет представлять при дворе свою новую *жену*. Эта новость только усиливает возбуждение! Все гадают, какая же женщина согласилась выйти замуж за такого надменного человека. Мы также с нетерпением ждем появления лихого и беспутного брата-близнеца леди Гвин. Бальные залы Лондона будут просто кишеть членами семьи герцогини, включая *двух* холостых герцогов, если считать Шеридана Вулфа, совсем недавно получившего титул герцога Эрмитэджа. Юные леди определенно будут очень стараться, чтобы прихватить хотя бы одного из них. Сезон обещает быть *очень* интересным.

Глава 1

Апрель 1809 года

Эрмитэдж-Холл, Линкольншир

Леди Гвин Дрейк ходила взад и вперед по декоративному мостику, как тигрица в клетке. Что означает это опоздание шантажиста? Определенно, это не очень хорошо для переговоров, которые она надеялась начать.

Может, она пришла не на то место.

Она достала записку из кармана и снова ее перечитала:

Леди Гвин,

Завтра в 4 часа дня принесите мне пятьдесят гиней¹ к мосту через реку, протекающую по поместью Эрмитэджей, если хотите обеспечить мое молчание. В противном случае я буду считать себя вправе раскрыть те тайны о Вас и обо мне, которые испортят Вашу репутацию. Вы знаете, что я могу это сделать.

Капитан Л. Мэлет

Значит, то место. Это был единственный мост через реку на территории поместья. А Мэлет понимает, что совсем

¹ Гиней – английская золотая монета, имевшая хождение с 1663 по 1813 год. Содержание золота в ней превышало 90 %. Вес – 8,3–8,5 г. Их чеканка прекратилась в 1799 году, и взамен золотых гиней были выпущены банкноты. – *Прим. переводчика.*

рядом находится дом, в котором живет симпатичный егерь, майор Джошуа Вулф? Или Мэлету просто все равно?

Гвин нахмурилась. Последний раз она видела Л. Мэлета десять лет назад. Тогда он служил в армии, всего лишь в звании энсина, а ей самой было двадцать лет. Но если он ожидает встретить все ту же глупенькую юную девушку с широко раскрытыми глазами, его ждет большой сюрприз.

Она смяла записку и бросила получившийся бумажный шарик в реку. Затем Гвин запустила одну руку в муфту, чтобы коснуться карманного пистолета, который взяла в шкафу своего брата-близнеца Торна, также известного как герцог Торнсток. Хотя пистолет не был заряжен – Гвин понятия не имела, как стрелять из пистолета и как его заряжать, но ей просто становилось спокойнее, когда она касалась пальцами рукоятки, украшенной резной слоновой костью. Пистолет будет выглядеть достаточно впечатляюще, чтобы отпугнуть такого труса, как Лайонел Мэлет.

Она услышала скрип колес по гравии и повернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как он вылезает из фаэтона. Вероятно, Мэлет и за фаэтон задолжал, но, как подумала Гвин, по его виду этого не скажешь – он неторопливо спускался с пригорка к мосту с таким видом, как может только человек без забот и хлопот.

Ей было трудно представить, что десять лет назад она была готова рискнуть всем ради этих голубых глаз, самодовольной улыбки и копны локонов цвета воронова крыла. Даже

в форме энсина Лайонел казался невероятно привлекательным для девушки, окруженной стареющими друзьями ее отца или все время поддразнивающими ее братьями, полнородными и единоутробными.

Сегодня же, хотя Лайонел и был одет гораздо более впечатляюще – так, как одеваются джентльмены, – он больше ее не привлекал. Он утратил над ней власть. Как она тогда не смогла разглядеть его истинное лицо? Как она не увидела, что это обманщик и пройдоха, скрывающийся за маской вежливости и веселости, который проскользнул как змей в жизнь наивной девушки, а потом отравил ее и ее будущее одним укусом? Если бы она тогда поняла...

Не важно. Она теперь увидела, что он на самом деле собой представляет. Он приближался, полностью уверенный в себе, а Гвин достала пистолет Торна из муфты и направила на Лайонела.

– Вы подошли уже достаточно близко, сэр.

Он рассмеялся, да будь он проклят!

– Ты собираешься меня застрелить? Правда?

– Если придется.

– Не придется. – Он нахально склонил голову набок. – От тебя требуется только заплатить столько, сколько я прошу. Пятьдесят гиней – это вполне разумная сумма за мое молчание, ты не находишь?

У нее дрожали руки. Она надеялась, что он этого не видит.

– Я удивлена, что ты просишь так мало, если учесть, что

ты мог бы получить, если бы на мне женился.

– Тебя еще это интересует? – Гвин не ответила, только продолжала гневно смотреть на него. Мэлэт пожал плечами. – Не думаю, что я бы что-то получил. Как жаль! Брак подошел бы нам обоим.

– Я уверена, что он помог бы тебе поправить твоё финансовое положение, но как бы от него могла выиграть я? – холодно спросила Гвин.

Он нагло оглядел её с головы до ног.

– Ты, несомненно, уже не такая молоденькая, как была в двадцать лет. Пройдет совсем немного времени, и тебя начнут считать бесперспективной старой девой, и тогда уж точно никто на тебе не женится.

– Отлично. Это меня полностью устраивает. – Странно, но это было правдой. – Именно благодаря тебе я потеряла интерес к мужчинам. – И это тоже было правдой. Или, по крайней мере, какой-то её частью. – Я больше не неопытная девушка, чтобы попасться на твою удочку.

– Так тогда зачем тебе пистолет?

– Мой брат опасается, что ты можешь попытаться меня похитить, как пытался похитить Китти Никмэн на Святки в этом самом поместье.

Упоминание сорванных планов, казалось, вывело его из себя.

– Я думал об этом. Но я знаю Торнстока. Если бы я тебя похитил, то он лишил бы тебя наследства, и мы оба оказа-

лись бы нищими. На самом деле он именно этим угрожал мне десять лет назад.

Воспоминания о том предательстве оставались у нее в груди, словно застаревшая простуда, которая никак не проходит. Ее злило то, что думать об этом было больно до сих пор.

– Он пытался меня защитить, как сделал бы любой хороший брат. – Гвин же до сих пор мучилась оттого, что ее брат-близнец сразу же понял, что на самом деле представляет собой Лайонел, а она этого тогда не увидела. – А судя по твоей попытке меня шантажировать, он поступил мудро.

– Это не попытка. – Лайонел сделал шаг вперед. – Я собираюсь получить свои деньги.

Гвин крепче сжала пистолет, нацеливая на него.

– У меня их нет.

Лайонел скрестил руки на груди.

– Ну, тогда я расскажу о нас всему свету, и начну с твоего брата.

Ей стало очень страшно от одной мысли о том, что Торн – или вообще кто-нибудь – узнает правду.

– Обещаю, что раздобуду для тебя деньги после того, как наша семья переедет в Лондон к началу сезона. Осталось всего несколько дней. Ты определенно можешь подождать *несколько дней*.

– А почему?

– Да потому, что если я попрошу у Торна пятьдесят гиней

в городе, он воспримет это как само собой разумеющееся – ведь в Лондоне я легко могу потратить их на драгоценности и одежду. Но здесь, в сельской местности, тратить их не на что, поэтому он посчитает такую просьбу подозрительной и захочет знать, зачем они мне на самом деле нужны. И мне не придумать для него никакую правдоподобную ложь. Если же я скажу ему правду, он вполне может просто тебя убить.

Лайонел рассмеялся.

– Ты хочешь сказать, что не рассказывала своему братцу-ублюдку о том, чем мы с тобой занимались?

– Конечно, нет! И я знаю, что ты тоже не рассказывал. Потому что если бы рассказал, то сейчас не стоял бы здесь, пытаюсь меня шантажировать. Торн убил бы тебя много лет назад.

– Правильно. – Вся веселость исчезла с его ужасно красивого лица, остался только холодный блеск в глазах. Вот это был *тот самый* Лайонел Мэллет, которого она знала и ненавидела. – К счастью, теперь я гораздо лучше подготовлен, чтобы дать отпор твоему брату, – продолжал он. – Я же не зря обучался военному мастерству. Я – солдат, а Торнсток, несомненно, размяк с возрастом.

– Если ты так считаешь, то ты в последнее время не имел с ним дел.

– В любом случае я не собираюсь ждать деньги, – заявил он, словно не слышал ее. – Если не можешь заплатить мне сегодня, то мне придется взять что-нибудь другое в качестве

компенсации.

Он прошел по мосту к ней, и, хотя Гвин быстро попятилась, Мэлет без труда догнал ее. И только когда он вырвал пистолет у нее из руки, она поняла, что именно он интересовал Мэлета, а не она сама.

– Ты не можешь его забрать! – закричала Гвин, и у нее упало сердце. – Это пистолет Торна! Я не могу его отдать!

Это была самая последняя покупка Торна, и он необычайно полюбил это новое приобретение. Брат ее никогда не простит, если она позволит Мэлету забрать пистолет с собой.

– Мне плевать. – Лайонел осмотрел пистолет, а затем, поняв, что он не заряжен, фыркнул. – В Лондоне за него можно получить неплохие деньги, пока я жду то, что мне причитается. – Он сунул пистолет в карман пальто. – О, и цена моего молчания только что поднялась. Теперь оно будет стоить сто гиней.

Когда он уже собрался уходить, Гвин схватила его за руку, пытаясь не позволить сбежать с оружием Торна.

– Я достану для тебя эти треклятые деньги, но ты не можешь забрать пистолет!

Ей удалось наполовину вытащить его из кармана, но тут Мэлет схватил ее за плечи и встряхнул.

– Я возьму у тебя все, что захочу, даже не сомневайся в этом. Так что если ты хочешь, чтобы я хранил твои тайны...

У них над головами прозвучал выстрел. И Гвин, и Лайонел дернулись, и оба повернули головы в том направлении,

откуда стреляли, – в сторону небольшой возвышенности у нее за спиной, где находился вдовый домик, предназначенный для вдовствующей герцогини.

Майор Вулф, который жил в этом доме, что-то сделал со стволом то ли ружья, то ли огромного пистолета, который держал в руках, потом нацелил его в сердце Лайонела. Если честно, Гвин никогда в жизни не была так рада видеть мрачного бывшего военного.

– Отойди от дамы! – крикнул майор Вулф, направляясь к ним. При этом у него получалось все время держать Лайонела на мушке, несмотря на то, что, спустившись с возвышенности, требовалось идти по неровной тропинке вдоль берега реки, а это было не так легко с его тростью.

Лайонел ухмыльнулся, глядя на него.

– Или что? Простой егерь не осмелится застрелить сына виконта.

Гвин нахмурилась.

– Откуда ты знаешь, что он еге... А, все правильно. – Она забыла, что майор Вулф помог помешать планам Лайонела, когда тот задумал похищение после Рождества. Хотя это не имело значения. – Майор – внук герцога и к тому же меткий стрелок. Он не только осмелится в тебя выстрелить, но и не промажет.

Майор Вулф перевел взгляд на нее. Казалось, его удивили ее слова, хотя Гвин не могла понять почему. Она достаточно часто с ним флиртowała и давала ясно понять, что о нем ду-

мает. С другой стороны, она прекратила уделять ему внимание, получив несколько сердитых и грубых ответов. Никто ее больше не одурачит. Она позволила в свое время это сделать Лайонелу, и закончилось это ужасно.

Майор снова посмотрел на Лайонела, так и держа его на мушке.

– Ты стоишь на *моей* земле и пытаешься напасть на члена семьи, на которую я работаю. Так что для тебя же лучше будет отпустить даму, или ты об этом пожалеешь. Клянусь! Ни один судья в графстве не вынесет мне обвинительного приговора за то, что застрелил вооруженного человека на моей земле.

Лайонел вздрогнул и явно испугался.

– Я не вооружен.

Когда майор Вулф кивнул на карман пальто Лайонела, из которого все еще торчала отделанная слоновой костью рукоятка пистолета Торна, Лайонел побледнел.

– Пистолет не заряжен, – сообщил он, и у него хватило ума отпустить Гвин.

– И это не упоминая того, что он тебе не принадлежит. – Гвин встретила взглядом с майором Вулфом. – Это пистолет Торна. Мистер Мэллет забрал его у меня.

Майор Вулф вопросительно изогнул одну темную бровь, глядя на нее.

– А *вы* что собирались делать с незаряженным пистолетом?

– Не важно. Я просто говорю, что хочу получить его назад.

– А-а. – Майор Вулф взмахнул стволом своего оружия, показывая Лайонелу, что тому следует сделать. – Ты слышал даму. Отдай ей пистолет.

Лайонел прищурился, а сердце Гвин почти прекратило биться в груди. А что, если он решит раскрыть майору Вулфу ее тайну? Это как раз будет в его стиле – он может таким образом отомстить ей. А она тогда умрет от стыда и унижения, а это кое о чем говорило, потому что теперь она вообще мало чего стыдилась.

Гвин шагнула к Лайонелу.

– Давай его сюда, – велела она, потом добавила шепотом: – Обещаю, что ты получишь деньги после того, как я доберусь до Лондона. Но только если ты ничего не скажешь *ему* о нашем общем прошлом.

Лайонел перевел взгляд с оружия майора Вулфа на серое лицо Гвин.

– Я не забуду про твое обещание, – так же тихо ответил он, затем вручил ей пистолет Торна, попятился к концу моста, а затем пошел по тропинке, которая вела к тому месту, где его ждал фаэтон.

Майор Вулф, который внимательно наблюдал за ними, к счастью, не спросил, о чем они говорили. Гвин была практически уверена, что он не мог их слышать из-за рева реки внизу, но ее все еще трясло оттого, что она чудом избежала крайне опасной ситуации.

И положение дел не изменится, пока Лайонел находится где-то поблизости. Гвин будет в опасности, пока он жив.

– Как жаль, что ты его не убил, – пробормотала она себе под нос, когда майор Вулф уже приближался к ней, не сводя глаз с отступающего Лайонела.

После того как Лайонел сел в свой фаэтон и уехал, майор Вулф расслабился. Затем он убрал свой огромный пистолет странного вида во вместительный карман потрепанного пальто. Гвин всегда видела его в этом пальто, когда он занимался своими обязанностями на территории поместья.

– Я провожу вас в Эрмитэдж-Холл, – сказал Вулф, а когда Гвин открыла рот, чтобы возразить, добавил: – На тот случай, если Мэлет маячит где-то поблизости, надеюсь, что ему представится еще одна возможность вас похитить.

О, прекрасно, что майор так решил!

– Спасибо, что спасли меня.

Вулф кивнул. Как и всегда, он был неразговорчив и жестом показал ей, чтобы шла вперед. Они перешли мост, а потом стали подниматься на возвышенность. Какое-то время оба молчали, Гвин украдкой несколько раз попыталась взглянуть на сопровождавшего ее мужчину. Боже, да он же красив! Да, такая внешность сейчас не в моде – черные волосы были стянуты в хвост простой кожаной лентой, – но тем не менее ведь все равно красив!

Некоторые сказали бы, что челюсть у него слишком сильно выпячивается вперед, губы слишком тонкие, чтобы на-

звать их привлекательными. Это все было так. Однако Гвин находила сочетание всех его черт привлекающим внимание. А глаза орехового цвета отличали его от всех других мужчин, которых она когда-либо встречала, даже Хейвуда, цвет глаз которого тоже можно было назвать ореховым. Нет, глаза майора были скорее цвета темного меда, с каким-то совершенно необычным золотистым отливом. Казалось, Гвин могла смотреть в них весь день.

Хотя такие возможности представлялись ей редко. Когда на территории поместья жила его сестра Беа, Гвин видела майора гораздо чаще, но после того как Беа вышла замуж, казалось, он нацелился не общаться ни с кем из тех, кто жил в Эрмитэдж-Холле.

Но это не останавливало горничных, которые постоянно шепотом обсуждали его – как он выглядит, что сказал, что сделал. Одна даже заявила, что вышла бы замуж за майора Вулфа, не задумываясь, несмотря на хромоту. Тем не менее, как казалось, он совершенно не понимал, что женщины находят его привлекательным, или он бы уже, конечно, нашел себе жену. По словам сестры, ему уже исполнилось тридцать один год.

– Что хотел Мэлэт? – наконец спросил майор Вулф.

Гвин порадовалась, что у нее для него имеется правдоподобное объяснение.

– Чтобы я уехала вместе с ним. Именно поэтому я и размахивала пистолетом.

Майор Вулф внимательно смотрел на нее.

– И давно вы носите с собой пистолет на территории поместья?

– С тех пор как мистер Мэлет заявил Хейвуду, что собирается похитить меня в отместку за то, что Хейвуд и его друзья сделали за границей, – огрызнулась Гвин.

– Мэлет угрожал этим четыре месяца назад, – заметил майор Вулф. – Странно, что он ждал столько времени, чтобы попытаться это сделать.

– Возможно, он ждал, когда мы утратим осторожность, – сухо заметила она. – Или, возможно, он попытался ухаживать за наследницей, которая не знает про его дурные намерения, а когда она оказалась неперспективной, он решил взяться за старое.

– И как раз так получилось, что вы гуляли по поместью с незаряженным пистолетом вашего брата, когда Мэлет приехал, чтобы вас похитить.

Гвин прекрасно понимала, что майор Вулф не поверит в подобное. Он вообще не очень-то доверчивый. Но затем ей в голову ударила мысль.

– Торн слышал, что мистер Мэлет что-то разнюхивает в Сэнфорте, поэтому предупредил меня, чтобы была настороже.

– Ваш брат в настоящее время живет в главном доме на территории поместья?

– Да. И он дал мне свой карманный пистолет для само-

обороны.

– Ценный незаряженный пистолет, который он не научил вас заряжать и из которого не научил стрелять? Безрассудно с его стороны, а ваш брат-близнец никогда не казался мне безрассудным человеком.

– Вы удивитесь, узнав, какой он на самом деле.

Да зарази чума этого майора Вулфа с умом солдата! Ситуация складывалась не очень хорошо.

– Более того, похоже, вы с Мэлетом знакомы друг с другом, по крайней мере, достаточно близко, чтобы обмениваться секретами.

– Секретами? Не дурите! То, что видели, – это совсем не то, на что вы намекаете.

– Хм. Ну, если вы так утверждаете. – Майор Вулф шел по лесной тропе поразительно быстрым шагом, учитывая раненую ногу. – А почему ваш брат находится здесь? Разве у него нет собственного поместья, которым нужно управлять?

– Конечно, есть. Но он решил сопровождать нас с мамой в Лондон и быть с нами на протяжении сезона. Меня должны представлять при дворе и высшему обществу.

– Я в курсе, – сказал он напряженным голосом.

И что *это* значит?

О, вероятно, он думает о своей сестре Беа и о том, что ее тоже будут представлять, но только как новую жену Грея, герцогиню Грейкурт.

– К счастью, сегодняшний инцидент заставит Торнстока

понять, что за вами и вашими поклонниками в Лондоне нужно лучше следить.

Это заявление было типично мужским и высокомерным, и Гвин хотелось бы надрать Вулфу уши за подобное, но внешне до нее дошло, что означают его слова и какие последствия могут ее ждать.

– Но вы же, конечно, не расскажете Торну о случившемся? Майор Вулф вопросительно приподнял бровь.

– Конечно, расскажу. Он должен это знать, чтобы принять меры – организовать для вас сопровождение. Вас кто-то должен сопровождать всюду, куда бы вы ни пошли.

Гвин встала перед ним, заграждая путь.

– Нет, вы не должны! Я не хочу, чтобы Торн лез в мои личные дела. Хватит мне Берлина, где мы с ним росли. Мне там от него покоя не было!

В лесу, в тусклом свете, пробивавшемся на тропу сквозь ветви деревьев, глаза майора, казалось, изменили цвет на цвет дуба, и взгляд стал таким же жестким, как дерево.

– Неужели вы думаете, что я просто так оставлю это дело? Забуду о случившемся?

– Почему нет? Это не ваша забота. Я – взрослая женщина. Я прекрасно справлюсь с типами вроде мистера Мэлета, если столкнусь на каких-нибудь мероприятиях. Я никогда не буду одна.

– *Никогда?* Даже в городском доме Эрмитэджей? А если выйдете на балкон во время бала, чтобы подышать возду-

хом? Или...

– Уверяю вас: я везде буду проявлять осторожность. И в любом случае теперь больше не должна возникнуть ситуация, позволяющая ему совершить похищение, не привлекая к себе внимания. Возможностей у него будет гораздо меньше!

И их будет еще меньше, если майор расскажет Торну о Лайонеле, а ее брат-близнец решит ходить за ней по пятам, куда бы она ни направилась. Тогда ей вообще не удастся встретиться с Лайонелом один на один и передать ему деньги.

И она также не могла рассказать *Торну* про шантаж. Он или сразу убьет Лайонела и окажется в тюрьме, или вызовет Лайонела на дуэль и тоже окажется в тюрьме. Нет, Торну нельзя рассказывать о том, что задумал Лайонел.

– Пожалуйста, майор Вулф, вы не должны говорить моему брату...

– Ваш брат, леди Гвин, может прислушаться к вашим мольбам, но я знаю, что делаю. Или вы сами ему рассказываете о случившемся в моем присутствии, или это делаю я. Но, так или иначе, он узнает о том, что пытался сделать Мэлэт. Все, больше обсуждать нечего.

Боже праведный, да он же упрямый как осел. И теперь из-за него ей становилось в десять раз труднее расплатиться с Лайонелом и положить конец этому безумию.

Глава 2

Джошуа не мог поверить, что они с леди Гвин спорят по этому вопросу. Даже его сестра не была такой безрассудной, даже она не стала бы подвергать себя такой опасности.

«Но она бы просто скрывала опасности от *тебя*. И скрывала до того, как на ней женился Грейкурт. Так что, возможно, у леди Гвин и Беатрис гораздо больше общего, чем ты думаешь».

Это не имело значения. Он не собирался вместе с леди Гвин скрывать ее тайны. А судя по ее реакции на его вопросы, у нее определенно были тайны. Джошуа сразу видел, если негодование было показным.

Один тот факт, что леди Гвин не хотела привлекать к делу своего брата, говорил о многом. Вероятно, тайны были как-то связаны с сегодняшним появлением Мэлета на территории поместья. Значит, не рассказать Торнстоку об их встрече нельзя, это будет неблагоразумно. А что, если Мэлет как-то ей навредит из-за того, что Джошуа не предупредил ее брата об опасности?

Нет, Джошуа не будет так рисковать. При виде Мэлета, который дал волю своим рукам, у него чуть сердце не остановилось. Не потому, что леди Гвин интересовала Джошуа. За богатую сестру герцога, конечно, можно беспокоиться, но только беспристрастно, испытывать что-то еще было бы нелепо

и глупо. Даже хотя, по словам сестры Джошуа, леди Гвин уже исполнилось тридцать лет, она выглядела не старше Беатрис. Как только леди Гвин окажется в Лондоне, вокруг нее сразу же появится толпа поклонников. Будет из кого выбирать. Ему лучше помнить об этом, чтобы не позволить себе какую-нибудь глупость... например, страстно желать ее.

Джошуа посмотрел на леди Гвин и отметил, что она немного побледнела, что было необычным для женщины с нежной кожей алебастрового цвета. Вероятно, она пользовалась какой-то косметикой, типа того, что Беатрис постоянно пробовала на себе. Бог знает, что использовала леди Гвин для того, чтобы ее губы приобретали очаровательный персиковый оттенок, а зеленые глаза смотрели так искушающе. Цвет ее глаз он назвал бы изумрудно-зеленым, поскольку они блестели, как настоящие драгоценные камни.

Проклятье, да он уже чуть ли не стихами о ней думает. Нужно проявлять осторожность. Может, он и внук герцога, но его отец был младшим из трех сыновей того герцога, да к тому же и прожигателем жизни и в общем никчемным человеком. Джошуа с самого рождения не подходил для изнеженной – и да, красивой – дочери другого богатого герцога. А сейчас он подходил для нее еще меньше со своей раненой ногой, из-за которой его держали на половинном окладе, и он не мог продолжать службу в морской пехоте Королевских ВМС, как хотел.

Кроме того, раз он не мог служить своей стране, он пред-

почитал держаться насколько можно дальше от ффривольностей и интриг так называемого «хорошего» общества.

– Что-то вы замолчали, – заметил Джошуа и сам не мог объяснить, почему это вызвало у него раздражение.

Леди Гвин фыркнула:

– Не вижу смысла с вами разговаривать, если вы все равно отказываетесь меня слушать.

– Я слушаю. Но это не означает, что я автоматически стану выполнять ваши приказы. Именно из-за этого вы и разозлились: все другие джентльмены делают то, что вы хотите, а я отказываюсь.

Она остановилась и гневно уставилась на него.

– Торн не делает того, что я прошу, и мои другие братья, единоутробные, тоже не делают.

– Самое важное слово в этой фразе – «братья». Братья всегда лучше видят и понимают женщину, чем другие джентльмены.

– Правда? Вы и подумать не могли, что ваша сестра станет герцогиней, тем не менее вы ошиблись. – Ее правдивые слова явно вызвали у него раздражение, и Гвин добавила: – Не знаю, заметили ли вы, но мистер Мэлет не был мною покорен там, на мосту.

– Я заметил. Именно поэтому вам нужно быть с ним осторожнее, а то вполне можете оказаться в карете, в которую он вас затянет и повезет в Гретна-Грин².

² Гретна-Грин – деревня на границе Шотландии и Англии, где убежавшие

Леди Гвин уперла руки в бока.

– Определитесь, майор Вулф. Что со мной? Я – испорченная и избалованная, потому что все мужчины падают к моим ногам, или я в опасности, потому что не падают?

Да будь проклята эта женщина за то, что указала ему на отсутствие логики. Она мешала ему нормально думать – для него было невозможно рационально с ней спорить.

Джошуа не хотелось разбираться, почему так получалось.

– Вы видели меня только с моими братьями и мистером Мэлетом, – тем временем добавила леди Гвин. – Вы не знаете, как я веду себя с другими джентльменами. Тем не менее вы уже делаете выводы о моем характере. – Она расправила плечи и пошла дальше. – Вам должно быть стыдно.

Джошуа покачал головой. Эта женщина могла своим острым язычком содрать кожу с мужчины, если он не сделает так, как хотела она. Но он не собирался попадаться на эту удочку.

Джошуа не ответил ей сразу же, и женщина тяжело вздохнула.

– Раньше я не понимала, почему Беа так страдала и постоянно расстраивалась, когда жила с вами. *Теперь* я очень хорошо понимаю.

Замечание о его сестре укололо его так, как не могли ни-

влюбленные могли обвенчаться без соблюдения формальностей, по шотландскому закону. Требовалось только согласие вступающих в брак. – *Прим. переводчи-ка.*

какие другие слова.

– Вы говорите о том, что кто-то делает выводы о других, полагая, будто знает этих других. Тем не менее вы сами даже не знаете мою сестру достаточно хорошо, чтобы понять, как она не любит, когда ее называют Беа.

После его слов воцарилось молчание и тянулось так долго, что Джошуа посмотрел на леди Гвин, а потом пожалел, что это сделал. Ей явно было так стыдно, что ему захотелось взять свои слова обратно.

– Это правда? – спросила она таким тоном, что было ясно: она мучается угрызениями совести. – Или вы просто... сказали это, чтобы как-то мне досадить?

Джошуа уже подумывал, чтобы соврать, если только и для того, чтобы исчезло это выражение ее лица.

– Простите меня, леди Гвин. Беатрис придушит меня за то, что я вам это сказал.

– А почему *она* сама не сказала нам? Мы никогда преднамеренно не стали бы... То есть мы все думали... Нет, нам нет оправдания. – Она нахмурилась. – Просто мама стала так называть ее с самого начала, потому что ваш дядя Эрми так называл ее в своих письмах.

Джошуа вполне мог представить почему. Их дядя, предыдущий герцог Эрмитэдж, унижал Беатрис всеми возможными способами, даже имя ее сократил, и она терпеть не могла, когда ее так называли. Дядя был извращенцем и пытался заставлять Беатрис делать то, что он хотел. К счастью, ублю-

док умер до того, как успел осуществить свои самые подлые планы.

Но леди Гвин не могла этого знать. И несмотря ни на что, ее угрызения совести из-за того, что не называла Беатрис правильно, улучшили его отношение к ней. Он смягчился, потому что леди Гвин на самом деле любила его сестру и сожалела о том, что сделала что-то ей не по нраву.

– Тем не менее нам следовало у нее спросить, как нам к ней обращаться. Мы были не правы, не поинтересовавшись, чего она хочет. – Щеки леди Гвин пылали уже не так сильно. – Хотя это объясняет, почему Грей всегда называет ее Беатрис. Я предполагала, что он, как обычно, ведет себя как высокомерный герцог, у которого все должно быть официально, но ему она, вероятно, сказала, как ее называть. Не могу понять, почему она не сказала нам всем.

Джошуа вздохнул.

– Она хотела соответствовать, ужиться с вами, хотела нравиться вам и людям типа вас. Она просто не хотела все это испортить, сообщая вам всем – в особенности нашей тете, – что ей не нравится этот сокращенный вариант ее имени.

– Ну, в таком случае я извинюсь перед ней, как только мы послезавтра приедем в Лондон, – тихо сказала леди Гвин. – Я понимаю, что Беа, то есть *Беатрис* не является моей кровной родственницей, но я все равно считаю ее членом семьи. И я хочу, чтобы она чувствовала: вся наша разношерстная компания очень рада, что она стала членом нашей семьи.

Теперь Джошуа чувствовал себя отвратительно из-за того, что вообще об этом сказал. В особенности потому, что ему нравилась их тетя, и он прекрасно знал, что она не собиралась никого оскорблять.

Тетя Джошуа и Беатрис, которую звали Лидия, также была матерью Гвин. Она вышла замуж за одного из Вулфов после смерти отца леди Гвин — за дядю Мориса, который был на дипломатической службе и практически сразу же после их вступления в брак был отправлен в Пруссию, где в конце концов стал послом.

Именно поэтому Джошуа и Беатрис только недавно познакомились с тетей Лидией и двумя ее сыновьями. Они вернулись в поместье после смерти предыдущего герцога, за которым наследовал дядя Морис.

Затем дядя Морис умер, и их кузен Шеридан стал новым герцогом Эрмитэджем. Младший брат Шеридана Хейвуд унаследует титул, если после Шеридана не останется наследника.

Сам Джошуа был сыном младшего из братьев Вулфов и мог унаследовать титул только в том случае, если и Шеридан, и Хейвуд умрут, не оставив наследников. Это казалось маловероятным, потому что оба брата были молодыми и здоровыми мужчинами.

Хотя он совсем не стремился стать герцогом. Он видел, какие усилия приходится прилагать Шеридану, чтобы заплатить все накопившиеся долги, расплатиться по всем счетам,

разобраться с делами и управлять поместьем. Джошуа не хотелось всем этим заниматься. Он хотел вернуться в морскую пехоту, где служил, а не сидеть в запасе на половинном окладе. К сожалению, это было маловероятно из-за состояния его ноги, да и военный министр, который также был министром по делам колоний, даже не отвечал на его письма.

Внезапно он понял, что леди Гвин что-то сказала.

– Да? – вернулся он к действительности.

– Мы пришли.

Джошуа поднял глаза на впечатляющее здание Эрмитаж-Холла и вздохнул.

– Пришли, – эхом повторил он. И также пришло время неприятного разговора с ее братом, герцогом Торнстоком, с которым он почти не общался.

Они вошли в дом, и им сообщили, что герцог находится в малом кабинете, где хозяева обычно писали письма. Джошуа задумался, что там делает Торнсток. Кабинет представлял собой тесную комнатенку, где помещались только письменный стол и книжная полка с альманахами за последние несколько лет. Джошуа почему-то сомневался, что этот человек станет что-то читать: Торнсток не производил впечатления человека, увлекающегося чтением.

Оказалось, что герцог нашел отличный бренди, который хранили как раз в этом кабинете. И он также что-то напряженно писал, но, очевидно, результат его пока не устраивал, потому что по всему полу валялись шарики из смятой пис-

чей бумаги.

– Только не говори мне, что ты пишешь пьесу, как Марлоу³, в честь которого тебя назвали, – сказала леди Гвин. – Мама будет так тобой гордиться.

Джошуа впервые услышал, как на самом деле зовут герцога Торнстока, и предположил, что это дань уважения драматургу Кристоферу Марлоу. На самом деле одному из любимых авторов самого Джошуа.

Торнсток резко поднял голову и нахмурился, глядя на сестру-близнеца.

– Герцоги пьес не пишут. Забыла? Но мы пишем огромное количество писем, черт побери.

Джошуа заметил, как герцог убрал то письмо, которое писал, в верхний ящик письменного стола.

Леди Гвин ухмыльнулась, глядя на брата, и кивнула на бумажные шарики на полу.

– Вероятно, это очень важное письмо, раз потребовалось столько черновиков.

Как и обычно, леди Гвин дразнила Торнстока. Эти двое постоянно ругались и о чем-то спорили, примерно такие же отношения были у Джошуа с Беатрис перед тем, как она так удачно вышла замуж. Но только их споры и разногласия с Бе-

³ Кристофер Марлоу (1564–1593) – английский поэт, переводчик и драматург-трагик. Благодаря ему в Англии получил распространение не только рифмованный, но и белый стих. Есть версия, что Марлоу не погиб в 1593 году, а инсценировал свою смерть и писал произведения под именем Шекспира. – *Прим. переводчика.*

атрис подпитывались отчаянием, тем положением, в котором они оказались, а леди Гвин и ее брат оба были богатыми. Так что же подпитывало *их* язвительность?

Нет, его это не касается и не волнует. Это не его проблема. Леди *Гвин* – не его проблема.

Торнсток встал и кивнул Джошуа, таким образом показывая, что заметил его.

– Что привело ко мне егеря Шеридана и мою любимую сестру? Что заставило вас почтить меня своим присутствием?

– Любимую? А у тебя что, есть еще одна сестра, о которой я не знаю? – едко спросила леди Гвин.

– Надеюсь, что нет. Мне с одной-то сложно справляться.

Джошуа знал, что близнецы могут часами иронизировать друг над другом, и становился свидетелем этого. Но в этот день он не мог долго слушать их язвительные замечания. Его терпение было на пределе.

– Простите за вторжение, ваша светлость, но мы только что встретили Лайонела Мэлета на территории поместья.

– *Что?!* – Торнсток бросился к маленькому окну и выглянул наружу. – Где? Давно?

Леди Гвин склонилась к Джошуа и прошептала:

– Вы могли бы сообщить ему об этом как-то помягче.

– В отличие от вас двоих у меня много дел. Я не могу тратить время на реверансы, – ответил ей Джошуа и повернулся к герцогу: – Мэлет напал на вашу сестру на мосту рядом с

вдовьим домиком, где я живу. К счастью, я их увидел и пригрозил ему ружьем до того, как он успел что-то еще сделать. Я проследил, чтобы он покинул территорию поместья, но я не могу обещать, что он не вернется.

– Это не имеет значения. Может возвращаться. Мы же уезжаем в Лондон, – хмыкнула леди Гвин.

– И поэтому становится еще важнее следить, не появится ли он снова, – сказал Джошуа. Эта женщина еще упрямее, чем грейхаунды, которые пытаются вытянуть зайца из норы.

Торнсток нахмурился и вернулся к письменному столу.

– Мэлет был вооружен?

– Собственного оружия я у него не видел, – сообщил Джошуа. – Но он пытался украсть пистолет, который вы дали леди Гвин для самообороны.

Торнсток взглянул на леди Гвин так, что Джошуа понял: она врала о том, как получила пистолет брата. К тому же на щеке у Торнстока начала дергаться жилка, и это тоже служило доказательством.

– А ты *зарядила* пистолет, который я тебе дал, Гвин? Или не подумала об этом? – спросил герцог, саркастически делая ударение на слове «дал».

Она смотрела на брата с явным вызовом.

– Конечно, нет. Для того чтобы его зарядить, нужно знать, как с ним обращаться, а ты пока не удосужился меня этому обучить.

На Джошуа произвело впечатление ее умение поворачи-

вать разговор в нужную ей сторону. Речь шла об угрожавшей ей опасности, а она представляет случившееся, как вину ее брата. Слава богу, что Беатрис не овладела этим мастерством.

– Ты права, – вежливо сказал Торнсток. – Возможно, поэтому тебе следует его вернуть, поскольку всегда неразумно размахивать оружием, которое ты не готова использовать.

– Я именно это и сказал ей, – вставил Джошуа.

Торнсток улыбнулся ему.

– Я вижу, что вы уже привыкаете к тому, что моя сестра редко прислушивается к тому, что ей говорят.

– Послушай, ты... – открыла рот леди Гвин.

– И это не упоминая того, что пистолет стоит целое состояние, – продолжал Торнсток, не обращая внимания на слова сестры.

– В таком случае думаю, что я хорошо сделал, не позволив Мэлету его украсть, – заметил Джошуа.

– Вы правы, – Торнсток загадочно посмотрел на сестру. – Отдай мне его, Гвин.

Леди Гвин улыбнулась:

– Может, будет лучше, если ты научишь меня стрелять?

– Содрогаюсь при мысли о тебе, вооруженной до зубов для представления высшему свету. – Торнсток протянул руку. – Верни его мне, сестренка.

– О, хорошо, – проворчала она и фактически шлепнула пистолетом по руке брата, причем так сильно, что он помор-

щился.

Торнсток прищурился, глядя на нее.

– Вулф, оставьте нас, пожалуйста, на несколько минут наедине с сестрой.

Джошуа поклонился, радуясь, что наконец может избавиться от общества близнецов. Пусть ругаются друг с другом сколько хотят.

– Не торопитесь. Мне в любом случае нужно возвращаться к работе.

Но когда он повернулся к двери, герцог его остановил:

– На самом деле, Вулф, я хочу, чтобы вы подождали в коридоре, пока я не закончу разговор с Гвин.

Его сестра побледнела.

– Зачем? – спросила она.

Джошуа интересовало то же самое, но у него хватило ума не спрашивать. В любом случае Торнсток проигнорировал вопрос сестры.

– Если не возражаете, сэр, подождите, пожалуйста.

Джошуа не был дураком и не собирался говорить герцогу правду – долгое пребывание рядом с леди Гвин выведет из себя и святого.

– Я подожду, – ответил он.

– Обещаю: это не займет много времени.

Торнсток подошел к двери и открыл ее. Джошуа легко кивнул ему и вышел, а услышав, как дверь за ним захлопнулась, напрягся. Неприятно, когда тебя так бесцеремонно вы-

гоняют вон. Он не был уверен, что хуже – отношение как к слуге со стороны человека одного с ним возраста или просьба подождать эту чертову леди.

Хотя это не имело значения. Выбирать ему не приходилось: в нужде всякий хлеб вкусен. И случившееся снова подтверждало, что ему нужно побыстрее найти себе новое место. Потому что жизнь в поместье Эрмитэджей становилась с каждым днем все более невыносимой.

* * *

Гвин гневно уставилась на брата.

– Не нужно было ему грубить.

– Разве я был груб? – Торн немного помолчал, затем заговорил снова: – А, ты просто пытаешься сменить тему. Но я тебя слишком хорошо знаю и не поддамся на эту уловку.

– Ты меня раскусил, – соврала она, потому что не смогла бы объяснить брату, почему в ней закипела злость, когда Торн захлопнул дверь практически перед носом Джошуа.

Торн кивнул на второй стул в маленьком кабинете. Больше здесь устроиться было негде.

– Присаживайся, – приказал брат, а сам занял место за письменным столом. – Я хочу услышать правду о том, что произошло между тобой и Мэлетом.

– Я уже сказала тебе правду.

В его глазах появилась ярость, и они изменили цвет – небо

бывает таким серым над штормовым морем.

– Подозреваю, что далеко не всю правду.

Да зарази его чума за то, что так хорошо ее знает! Иметь брата или сестру-близнеца – это и благо, и проклятие. Они не могут ничего скрыть друг от друга.

Гвин раздумывала, что бы такое сказать Торну, чтобы он от нее отстал, пока устраивалась на стуле. Торну определенно *нельзя* было знать «всю правду» об этом деле. Но какой-то ее части может оказаться достаточно, в особенности той, в которой она предстанет душой. Кажется, братья всегда считают сестер дурами, и Торн определенно считал ее такой с того самого дня, как заплатил Лайонелу в Берлине, чтобы оставил Гвин в покое.

– Сегодня утром я получила записку от мистера Мэлета, – сообщила Гвин. – Он написал, что хочет поговорить о возобновлении нашего... знакомства.

Торн вскочил на ноги.

– И ты согласилась с ним встретиться? Просто взяла и согласилась? Что на тебя нашло? Почему ты сделала такую глупость, когда *знала*, что он уже пытался похитить одну наследницу?

– Я взяла твой пистолет. Я считала, что если пригрожу ему пистолетом, то буду в безопасности.

Торн подошел к стулу, на котором она сидела.

– Но все оказалось совсем не так.

– И именно поэтому тебе следует научить меня стрелять, –

ответила она и невозмутимо встретила взглядом с раздраженным Торном.

– Только через мой труп, – прорычал он.

– Или мой.

Лицо Торна просто на глазах наливалось краской.

– Я никогда не стану тебя учить ни заряжать оружие, ни стрелять из него, так что выкинь эту мысль из головы!

– Ну, тогда не удивляйся, если я в Лондоне вляпаюсь в какие-нибудь неприятности.

Торн выглядел так, словно его вот-вот хватит удар. Он начал мерить шагами комнату, а потом наконец остановился перед Гвин.

– Ты имеешь в виду неприятности с Мэлетом?

– Конечно, нет. – Или, по крайней мере, не те, о которых думал Торн. – Уверяю тебя: все мои нежные чувства к мистеру Мэлету улетучились много лет назад.

Торн посмотрел на нее скептически. Это было смешно, потому что Гвин имела в виду именно то, что говорила.

– Тогда почему ты одна отправилась на встречу с ним?

– Да для того, чтобы сказать ему то, что я только что сказала тебе – что я не хочу больше иметь с ним никаких дел и он должен оставить меня в покое. Я знала, что если лично не откажу ему, то он решит, что это ты заставляешь меня ему отказывать, и продолжит меня донимать. Но я очень четко выразилась. Ему просто не понравилось то, что я говорила.

Торн скрестил руки на груди.

– Тогда что ты имела в виду сейчас, когда говорила, что можешь вляпаться в неприятности в Лондоне?

– Мужчины – безрассудные, нетерпеливые и непредсказуемые создания, а я – наследница, поэтому у меня могут возникнуть некоторые трудности, когда меня представят высшему обществу. А если у меня будет оружие для самообороны, оно поможет решить возникающие проблемы.

– Скорее их решит мое постоянное присутствие рядом с тобой, – проворчал Торн.

У нее на мгновение остановилось сердце.

– Да ничего оно не решит! – Если Торн постоянно будет рядом, то она никогда не сможет передать деньги Мэлету. Гвин встала и гневно посмотрела на брата. – Я не могу допустить, чтобы ты постоянно маячил рядом со мной, пока меня представляют обществу. Это не только отпугнет всех поклонников, но и ты будешь умирать со скуки, потому что терпеть не можешь ярмарки невест, а когда тебе скучно, ты начинаешь всех раздражать. Я предпочитаю на балах другую, более приятную компанию, так что избавь меня от своего присутствия. Спасибо, не надо!

Он уже открыт рот, чтобы ответить, но потом все-таки решил не говорить то, что собирался. Вместо этого Торн тяжело вздохнул.

– Что мне с тобой делать, *liebchen*⁴?

Знакомое ласковое обращение не остановило ее – ей нуж-

⁴ *Liebchen* – милая, ненаглядная (нем.) – Прим. переводчика.

но было добиться своей цели.

– Быть моим братом, а не отцом, – мягко произнесла Гвин. – У меня уже есть любопытная мать, которая сует нос во все дела. Одной родительницы для меня достаточно! Мне тридцать лет, ради всего святого! Не думаешь, что тебе уже пора прекратить все время болтаться рядом со мной? Ты что, мать семейства или дуэнья?

Торн напрягся, услышав это оскорбительное сравнение, и ответил:

– Поверь: мне самому хотелось бы это прекратить, но *не могу*.

– Может, если бы ты для разнообразия стал мне доверять...

– Я тебе верю. Я не доверяю охотникам за приданым, а таких ублюдков в обществе полно. Возьми, например, Мэлета. А если уж мы его вспомнили, скажи мне: Вулф слышал достаточно, чтобы понять, что ты когда-то чуть не оказалась помолвлена с этим мерзавцем?

– Не думаю. Майор стоял недостаточно близко, чтобы слышать наш разговор.

Торн выдохнул с облегчением.

– Слава богу! Представителям высшего света не нужно знать про твою связь с Мэлетом. Слухи о том, как его с позором выгнали с военной службы – и почему, – уже дошли до высшего общества, и он там персоне нон-грата. Так что люди вполне могут начать говорить и о тебе, и делать необос-

нованные выводы, если станет известно, что десять лет назад ты чуть не вышла замуж за этого негодяя.

Она моргнула, глядя на Торна.

– Выгнали с позором? Я об этом не знала. А что случилось?

Ее брат-близнец помрачнел – по его лицу словно пробежала тень.

– Спроси у Хейвуда и Касс, если хочешь услышать всю историю полностью. Достаточно сказать, что Мэлэт теперь не считается приемлемым ухажером для любой молодой женщины.

– Насколько я помню, ты сделал все, чтобы я сама это поняла, – едко заметила Гвин.

По крайней мере, ее брат покраснел.

– Ты на меня все еще злишься из-за этого?

– Не дури. Ты спас меня от ужасной судьбы – стать женой мистера Мэлета.

«И в процессе чуть не лишил меня будущего вообще».

– Да и с тех пор столько воды утекло! – добавила она беззаботным тоном.

– Врешь, – мягко произнес брат-близнец. Когда она ничего не ответила и не стала настаивать, Торн вздохнул. – В любом случае нам не нужно сообщать Вулфу о твоей прошлой связи с Мэлетом. Пусть и дальше предполагает, что Мэлэт пытался тебя сегодня похитить из-за его конфликта с Хейвудом. Согласна?

– Конечно.

От одной мысли о том, что майор Вулф узнает о том, какой дурой она была в юности, у нее скрутило живот, хотя Гвин не была уверена почему. Теперь она редко будет видеть бывшего офицера. Ее семья уезжает в Лондон, а он остается здесь.

– Я рад, что ты согласна, – продолжал Торн. – Если честно, я не считаю Вулфа сплетником, но чем меньше кто-либо знает о том деле, тем лучше.

– Совершенно верно.

Когда брат направился к двери и распахнул ее, Гвин запоздало вспомнила, что майор Вулф ждет в коридоре. Но зачем? Торн собирается как-то его вознаградить за то, что спас ее сегодня?

Гвин надеялась, что нет. Майор был гордым как лев – а рычать умел в два раза сильнее. Ему это совершенно не понравится.

– Заходите, сэр, – пригласил Торн. – У меня есть для вас предложение.

О, нет! Звучит как-то подозрительно.

Судя по настороженному лицу майора Вулфа, он с ней соглашался.

– Что за предложение? – спросил он, заходя в кабинет и бросая на Гвин вопросительный взгляд.

Она беспомощно пожала плечами. Она понятия не имела, что задумал ее брат.

– Вы, возможно, знаете, что вся наша семья через несколько дней перебирается в Лондон. Уезжаем на следующий день после Пасхи.

– Я в курсе, – кивнул майор и скрестил руки на груди.

– Мне хотелось бы, чтобы вы присоединились к нам.

– Осмелюсь сказать, что в вашем лондонском доме не должно быть работы для егеря, – майор Вулф подозрительно посмотрел на Торна.

– Вы правы, но вы нужны мне не для того, чтобы трудиться егерем. Я хочу, чтобы вы стали телохранителем Гвин.

Глава 3

Черт побери! Вот *это* было неожиданно.

А сама леди Гвин знала о том, что запланировал ее брат-близнец? Одного взгляда на выражение ее лица было достаточно для Джошуа, чтобы понять: не знала и поражена не меньше его.

– Я согласен, что при нынешнем положении вещей вашей сестре нужен телохранитель, но вас, сэр, определенно будет достаточно, чтобы отпугнуть Мэлета, – высказал свое мнение Джошуа.

Герцог постукивал пальцами по письменному столу.

– Моя сестра говорит, что не хочет, чтобы я «маячил рядом с ней», потому что это «отпугнет» мужчин, которые хотели бы за ней поухаживать, – едко произнес Торнсток. – Но большинство людей не знают о вашей связи с нашей семьей. Так что вы сможете присматривать за ее ухажерами так, что люди не поймут, чем вы занимаетесь.

Леди Гвин напряглась:

– Мне не нужна нянька при представлении меня обществу!

Торнсток вопросительно приподнял бровь.

– Я не стал бы называть морского офицера нянькой. Предполагаю, что ему будет скучно охранять тебя. К счастью, я не против того, чтобы хорошо ему платить за эту работу.

Джошуа были нужны деньги, но, учитывая то, как он реагировал на громкие звуки, он содрогался при одной мысли о Лондоне.

– Нужно принимать во внимание и другие вещи, герцог. Я не смогу преследовать Мэлета, если придется за ним быстро бежать – он же может попытаться скрыться вместе с вашей сестрой. Возможно, для вас будет лучше нанять полностью здорового телохранителя.

– Стрелять вы умеете? – уточнил Торн. – И пользоваться ножом? Грей рассказывал, как вы сбили с ног одного из помощников Мэлета, один раз врезав ему кулаком в рождественские праздники. Он потом нормально идти не мог, так его шатало. Так что, похоже, вы способны и кулаками поработать. Очевидно, единственное, что вы *не можете*, – это бегать.

– Да, я умею стрелять, вести ножевой бой, сражаться врукопашную, но...

– Этого для меня достаточно. – Герцог украдкой посмотрел на сестру. – Я буду доволен, если вы станете защищать мою сестру средствами, имеющимися в вашем распоряжении.

До Джошуа стало доходить, что, несмотря на трудности, с которыми он может столкнуться, этот шанс отправиться в Лондон может пойти ему на пользу. Его письма определенно не доходили до военного министра, но если он лично появится в министерстве, то сможет убедить министра позво-

лить ему вернуться в морскую пехоту и получать офицерское жалованье в полном объеме.

Однако до того как Джошуа смог задать какие-то вопросы и согласиться на предложение, леди Гвин откашлялась и спросила:

– А мое согласие на это не требуется? У меня вообще право голоса имеется?

– Конечно, имеется, – ответил ей Торн. – Или я буду маячить рядом с тобой на всех мероприятиях, или это будет делать Вулф, но не так явно. Но один из нас *обязательно* будет сопровождать тебя во время всех твоих выездов в свет. Так что тебе решать, кто это будет.

– Да, не очень большой выбор, – заметила леди Гвин, бросая на Джошуа взгляд, значения которого он не понял. Тревога? Злость? Желание?

Он мысленно фыркнул. Последнее было нереально. Может, эта женщина и флиртowała с ним время от времени, но это совсем не означало, что он вызывал у нее желание. Она уже несколько месяцев готовилась к представлению высшему обществу. Несомненно, частью этой подготовки был флирт, и она просто на нем практиковалась.

Тем не менее Джошуа затаил дыхание, пока она обдумывала два предложенных варианта. Он так хотел, чтобы она выбрала его... но только потому, что ему нужно было в Лондон, чтобы встретиться с военным министром.

Это не имело никакого отношения к тому, как очарова-

тельно она выглядела, в особенности теперь, когда впервые за несколько месяцев начала носить не траурные платья, не только черное. И дело было не в том, как ее рыжие волосы напоминали вспышки пламени в падавшем из окна свете, и не в том, как слегка подрагивала ее пухлая нижняя губа, когда она обдумывала предложение брата.

Боже, если он согласится, то это будет ошибкой. Он может оказаться в дурацком положении. Сама поездка в Лондон будет для него потенциально опасной. Его вполне может ждать череда неприятных событий, после которых Джошуа уже никогда не сможет восстановиться. И рисковать рядом с ней? Он же может опозориться у нее на глазах! Он жеотреагирует на любой внезапный громкий звук, который может прозвучать на улице, и леди Гвин увидит его с самой худшей стороны. Он не сможет сдержаться!

Джошуа уже был готов открыть рот, чтобы отказаться служить телохранителем леди Гвин, но не успел ничего сказать. Она сама заговорила первой:

– Хорошо. Я выбираю майора.

Ее слова так потрясли майора, что он пропустил победный взгляд на лице ее брата. Торнсток был удовлетворен. Но что планирует Торнсток, почему он хочет, чтобы в этом участвовал Джошуа? Герцог был известным гулякой, а таких людей обычно гораздо больше интересуют загулы, чем представление девушек обществу. Но даже если сопровождение собственной сестры на светские мероприятия и заставит его

меньше развлекаться, он все равно должен бы делать это сам, а не полагаться на человека, которого он практически не знает.

А что касается леди Гвин...

Джошуа даже не пытался определить *ее* мотивы. Он редко ее понимал. Она любила ходить по магазинам – иногда он видел ее в Сэнфорте, где она выбирала ридикюли и другие вещи. Она любила поддразнивать и веселить людей – она многократно пробовала делать это с самим Джошуа. Но когда дело касалось ее брата, казалось, что леди Гвин не чувствует ничего, кроме злости. Похоже, что когда-то герцог совершил нечто, что вызвало у нее дикий гнев, и сестра до сих пор продолжает его наказывать.

Джошуа следует рассматривать это как предупреждение. Дама злопамятна, и это относится даже к ее брату-близнецу. Так что Джошуа следует рядом с ней постоянно оставаться настороже. Неразумно показывать врагу свои уязвимые места.

Герцог повернулся к нему:

– Вы согласны?

Если он откажется, то может остаться навсегда в сельской местности. И даже хотя здесь тихо и спокойно, и, возможно, лучше для него, Джошуа предпочел бы отправиться на войну.

– Согласен.

– Отлично, – сказал Торнсток. – Раз об этом договори-

лись, нужно обсудить некоторые детали. – Он критически осмотрел Джошуа. – Надеюсь, у вас есть одежда, в которой можно появиться на светских мероприятиях?

– Торн! – воскликнула леди Гвин. – Ну зачем так грубо-то?

– Как грубо? – спросил Торнсток. – Ты хочешь, чтобы он выделялся? Чтобы привлекал к себе внимание больше, чем нужно?

Он выпятила вперед пухлую нижнюю губу.

– Просто... Я просто подумала...

– Меня нисколько не обидел ваш вопрос, – вставил Джошуа, которому было забавно смотреть на то, как леди Гвин пыталась его защитить. Вопрос ее брата был разумным, учитывая потрепанное пальто Джошуа, в котором он ходил по поместью. – У меня есть парадная военная форма и повседневная форма, которая, вероятно, лучше подойдет для дневных светских мероприятий.

Торнсток посмотрел на него удивленно.

– Я думал, что вы вышли в отставку и больше не числитесь в Королевских ВМС.

– Нет, я на половинном окладе. Это не совсем то, что быть отправленным в отставку. Технически я остаюсь морским офицером, и меня могут призвать на службу. Но в реальности человека с моими... сложностями, скорее всего, не призывают, даже если потребуется возвращать в строй людей на половинном окладе.

— А, понятно, — кивнул Торнсток. — Я очень рад, что вы имеете право носить форму. А дамы находят офицеров в форме привлекательными, правда, сестренка?

Что-то непонятное промелькнуло в ее взгляде.

— Я тоже слышала об этом.

Герцог ухмыльнулся, глядя на сестру, а потом продолжил допрос Джошуа:

— А как насчет гражданской одежды? Вы едва ли захотите надевать форму, когда, например, будете сопровождать Гвин во время походов по магазинам.

— О боже! — воскликнула леди Гвин. — Он и по магазинам со мной будет ходить?

— Пока Мэлет представляет угрозу, — ответил Джошуа. — Я буду всюду вас сопровождать. — Он снова посмотрел на герцога. — У меня есть и гражданская одежда, которая прекрасно подойдет.

Правда, эта одежда может оказаться побитой молю и вышедшей из моды, но Джошуа не собирался признаваться в этом Торнстоку.

— Если вам нужен портной, дайте мне знать. Я могу порекомендовать человека, который все подгонит и оденет вас так, как нужно, — предложил герцог.

Джошуа с трудом сдержался, чтобы не рассмеяться ему в лицо. Портной! Определенно, Торнсток никогда в жизни не нуждался и не знает, каково это — жить, когда у тебя катастрофически не хватает денег, или он бы понял всю абсурд-

ность своего предложения. Отсутствие надежного портного было наименьшей из проблем Джошуа.

– Спасибо, – поблагодарил он.

Но леди Гвин, похоже, догадалась о причине натянутого тона и краткого ответа Джошуа, потому что предложила:

– Если хотите, один из моих братьев может дать вам на время несколько своих вещей.

– Спасибо за предложение. Я ценю вашу заботу. – Этот разговор уже начал раздражать Джошуа, а он ни в коем случае не должен был выходить из себя перед близнецами. Тогда он очень быстро лишится шанса поехать в Лондон вместе с ними. – У меня есть один вопрос к герцогу. Где я буду жить в городе?

Торнсток нахмурился:

– Я предполагал, что вы захотите остановиться в городском доме Эрмитэджей вместе с мамой и Гвин. Я сам буду чувствовать себя спокойно, зная, что вы там и присмотрите за ними. Раз мама также является и вашей тетей, это будет вполне приемлемо и пристойно. Да и Шеридан там когда-нибудь появится.

– А почему бы майору Вулфу не остановиться у *тебя*? – спросила Гвин.

Она покраснела? Невозможно! В отличие от его сестры, леди Гвин никогда не краснела. Тем не менее в эту минуту казалось, что ее щеки пылают, а одна мысль о ее румянце стала искрой, которая зажгла огонь у него внутри. Кровь

быстрее побежала по венам.

Герцог прищурился, глядя на сестру.

– Во-первых, я не хочу, чтобы он жил у меня.

– Ну, конечно, нет. – Она посмотрела на брата так, будто что-то просчитывала в уме. – Как глупо с моей стороны было думать, что ты на месяц или пару откажешься от своих холостяцких привычек, хотя бы некоторых.

– Как типично для тебя было что-то предполагать, никого ни о чем не спрашивая, – произнес Торнсток легким тоном, хотя взгляд у него оставался ледяным. – Но дело в том, что Вулф не сможет тебя должным образом защищать, если будет жить в другом доме.

– *На самом деле* будет лучше, если я поселюсь с вами и вашей матушкой, леди Гвин, – вставил Джошуа. – Хотя я не знаю, прилично это или нет.

– Меня не волнуют приличия, – выпалила леди Гвин. – Не в них дело, а в том, что любое мое действие будет тщательно проверяться и изучаться.

– Я приложу все усилия, чтобы никоим образом не вторгаться в вашу жизнь в особняке, – пообещал Джошуа. – Но в общественных местах я буду вас всюду сопровождать, чтобы Мэлет даже не предпринимал попыток на вас напасть.

Казалось, женщина не знала, как на это ответить.

– Я согласен с Вулфом, – вставил Торнсток. – А теперь давайте обсудим еще один вопрос, сэр. У вас есть какое-нибудь оружие поменьше того, что торчит из кармана ваше-

го пальто? Насколько я понимаю, это мушкетон-пистолет с ударно-кремневым замком?

– На самом деле это морское семиствольное ружье Нока.

– Боже праведный, я никогда в жизни их не видел, хотя о них слышал, – признался Торн и протянул руку. – Можно посмотреть?

Джошуа передал ему оружие. Он гордился им, а приобрел его у коллеги – выходявшего в отставку морского офицера.

Торнсток осмотрел оружие с явным восхищением.

– Вот это вещь! Неудивительно, что вы спугнули Мэлета. Насколько я понимаю, поворачивать стволы приходится вручную?

Джошуа кивнул. Торнсток вернул ему оружие.

– К сожалению, такую махину таскать с собой в обществе нельзя. Дамы будут падать в обморок при виде его.

Леди Гвин фыркнула:

– Мужчины! Мы не падаем в обморок при виде любого оружия.

– Ты не падаешь, – сказал Торнсток. – Но даже ты сама должна признать, что ты не совсем обычная дама.

Более правдивые слова было трудно придумать. Джошуа засунул оружие назад в карман пальто и легко улыбнулся.

– В любом случае мое морское ружье Нока подойдет для ситуаций, с которыми мы можем столкнуться вне светских мероприятий. Хотя носить его с собой и неудобно, но стреляет оно отлично.

– А как насчет огнестрельного оружия, когда вы будете посещать светские приемы и балы? – спросил герцог. – Только не предлагайте шпагу. Может, вы не знаете, но теперь офицерам не дозволяется появляться с ними на балах. Их приходится оставлять в гардеробе.

– Я постоянно ношу при себе мою собственную шпагу, и ее еще никто ни разу не обнаружил. – Джошуа нажал на кнопку на своей трости, набалдашник раскрылся, и взору брата и сестры представилось лезвие, которое обычно пряталось внутри. – Поскольку мне всегда нужна трость, я предпочитаю, чтобы она служила двум целям.

Торнсток тихо присвистнул.

– Как хитро придумано! Впечатляет, Вулф! Вы готовы к любой неожиданности.

– Я слышал, что теперь делают и трости с небольшими пистолетами в ручке. Я надеюсь купить такую трость в Лондоне.

И это было еще одним поводом для того, чтобы принять предложение Торнстока.

– Временно вы сможете пользоваться *моим* пистолетом. Я купил сразу два одинаковых. Так что один останется у меня, второй будет у вас. – Герцог взял с письменного стола карманный пистолет, который недавно туда положил. – Он, конечно, не стреляет так быстро, как ваше оружие с кремневым замком, да и убойная сила не та, но это компенсируется удобством использования. Хотя я не знаю, можно ли его

спрятать в парадной военной форме.

Джошуа украдкой посмотрел на позолоченный ствол маленького пистолета и резную слоновую кость на рукоятке.

– Поверьте мне: я найду, где его спрятать. – Конечно, спрячет! Только бы взять его в руки! – Хотя он кажется очень ценной вещью, ваша светлость, чтобы использовать его как простое оружие.

– Только в прошлом месяце я заплатил за него двести фунтов стерлингов.

Черт побери! Джошуа получал столько за пять лет работы в поместье.

Торнсток протянул ему пистолет.

– Я думаю, что могу доверить вам это оружие.

Джошуа следовало бы отказаться от такого дорогого пистолета. Бог знает, как эта чертова штукавина покажет себя в деле. Вполне может оказаться скорее украшением, чем полезной вещью. Но он не мог устоять перед этой красотой.

– Я сделаю все от меня зависящее, чтобы вернуть его в целости и сохранности, – пообещал он, беря пистолет.

Торнсток приподнял бровь.

– Вы можете оставить его себе в качестве оплаты за охрану моей сестры... если *ее* вернете в целости и сохранности.

Джошуа все еще не пришел в себя от невероятно щедрого предложения, когда леди Гвин высокомерно заметила:

– Я – не пистолет, Торн. И я тебе не принадлежу, чтобы вручать меня майору, как какой-нибудь груз для транспор-

тировки.

– Очень жаль, – проворчал герцог. – Может, ему удастся держать тебя в узде.

Это Джошуа делать не собирался за все украшенные золотом и слоновой костью пистолеты в Англии.

Леди Гвин в эту минуту гневно смотрела на брата-близнеца. Глаза у нее сверкали.

– И ты еще удивляешься, почему у тебя возникает столько проблем с приличными женщинами.

– У меня все прекрасно получается с приличными *замужними* женщинами, – спокойно ответил Торнсток. – Меня сводят с ума незамужние, которые хотят надеть на меня кандалы.

– Значит, мы закончили обсуждение того, как управляться со мной в Лондоне? Непристойное и неподобающее, должна сказать, – язвительно заметила леди Гвин.

Герцог легко улыбнулся:

– Я очень сомневаюсь, что найдется много мужчин, способных с тобой «управляться», *liebchen*. Я лично даже не стал бы пытаться.

– Отлично. Потому что, если попытаешься, я тебе твои яйца вручу в коробочке.

Черт побери, да даже Беатрис так никогда не выражалась. У леди Гвин был очень острый язычок, и Джошуа был бы не прочь попробовать его вкус, а также рот...

«Даже не думай об этом! Это значит создавать себе боль-

шие проблемы».

– Нужно упомянуть только еще один момент, Вулф, – продолжал Торнсток. – Вы не должны говорить маме, почему отправляетесь с нами.

– Хотя я очень не люблю соглашаться со своим братом ни по одному вопросу, в этом он прав. – Леди Гвин выглядела подавленной. – Мама начнет очень сильно беспокоиться, если узнает, что моя... мое... э-э-э... будущее находится под угрозой. А она и так ослабла после смерти нашего отчима...

Джошуа прищурился и переводил взгляд с брата на сестру и обратно, и не сомневался, что у них есть свои причины не ставить в известность его тетю. Но он и представить не мог, что это за причины.

– Так что я должен ей говорить? – раздраженно спросил он. – Она посчитает странным мой беспричинный отъезд из поместья. Я же здесь работаю.

– Скажите ей, что хотите увидеть Беа, – предложила леди Гвин и тут же покраснела. – Я имела в виду Беатрис. Скажите маме, что хотите присутствовать на балу, где вашу сестру будут представлять как герцогиню, новую жену Грея. – Леди Гвин хлопнула в ладоши. – Да, это подойдет идеально! Мама очень обрадуется.

– Но Беатрис посчитает это подозрительным, – проворчал Джошуа. – Она знает, что я терпеть не могу толпы людей. И его сестра также знала почему.

– С вашей сестрой я сама разберусь, – улыбка леди Гвин

стала дерзкой. – Я ей опишу, как вы тут без нее страдали со времени ее отъезда, вам было ужасно одиноко во вдовьем домике, где должна жить вдовствующая герцогиня, и что вы просто *должны* были увидеть ее в минуты ее триумфа, когда она предстанет во всей красе.

Джошуа с подозрением посмотрел на леди Гвин.

– Беатрис рассмеется вам в лицо, если вы начнете толкать перед ней такие речи. Она гораздо лучше меня знает.

Хотя ему *на самом деле* было одиноко и он скучал по сестре, но он не собирался признаваться в этом высокомерной даме. Да и Беатрис тоже.

– О, хорошо. Мне придется придумать какое-то более достойное для мужчины оправдание, что-нибудь мужественное, – дразнящим тоном сказала леди Гвин, потом улыбка у нее исчезла. – Не может быть, чтобы мужчина скучал по своей сестре. Боже упаси! Правда, Торн?

Торнсток сурово посмотрел на нее.

– Следи за языком, мегера. Я не хочу, чтобы Вулф отказался от работы, даже не приступив к ней.

– И на этой ноте, как я считаю, я должна вас покинуть, – холодно произнесла леди Гвин. – Мне нужно собирать вещи, а майору, несомненно, надо решить вопросы со слугами, которые работают под его началом, и Шериданом. – Она повернулась к Джошуа: – И, майор Вулф, если не возражаете, я хотела бы кое-что обсудить с вами с глазу на глаз перед тем, как вы отправитесь во вдовый домик.

Он резко кивнул и последовал за ней в коридор.

– Сюда, – показала Гвин, заглянув в голубую гостиную, потом завела его внутрь и закрыла дверь.

Он остановился на пороге.

– Мне кажется, что правила приличия не допускают такой интимности, ваша светлость.

– Чепуха! Это только на минутку. Я не хочу, чтобы мой брат вмешивался в наш разговор. Он и так уже сильно вмешался. – Она приподняла свою красивую бровь. – Кстати, когда вы так произносите «ваша светлость», обращение звучит очень саркастически.

– В будущем я попытаюсь произносить эти слова более уважительно, – ответил Джошуа, хотя на этот раз не смог скрыть сарказма.

– Я не это имела в виду! – запротестовала леди Гвин. – Вы прекрасно знаете, что вы не слуга.

– Позволю себе не согласиться. Ваш брат назвал меня егерем не один раз, а целых два. – Когда она поморщилась, Джошуа стал говорить более мягким тоном: – *Вы* можете не думать так обо мне, но Торнсток определенно относит меня к категории слуг. И у него для этого имеются веские основания. Я выполняю работу егеря. А сейчас я только что заключил соглашение, по которому буду выполнять работу вашего телохранителя в Лондоне. Поэтому очевидно, что я не возражаю против найма на работу вашей семьей. И меня это не беспокоит.

Это была откровенная ложь. Его это на самом деле беспокоило. Ему хотелось заниматься чем-то более достойным и стоящим, чем псарней и покрытым лесом участком в герцогском поместье.

— Как скажете, — вздохнула она. — Но я не это хочу обсудить. После того как мы приедем в Лондон, я хочу, чтобы вы научили меня стрелять.

Джошуа выругался себе под нос.

— Потому что ваш брат мудро отказался это делать?

Леди Гвин небрежно взмахнула рукой.

— Он, как обычно, преувеличивает, а мне надоела его гиперопека. Но вы же научили стрелять Беатрис, так почему бы вам не обучить и меня?

Джошуа скрестил руки на груди.

— Я обучал Беатрис стрелять, потому что это было необходимо: она время от времени оставалась на ночь одна в нашем доме, и я хотел обеспечить ее безопасность. Но почему-то я сомневаюсь, что если дать *вам* в руку заряженный пистолет, то кто-нибудь будет в безопасности, включая вас саму.

— Ну, тогда у меня есть для вас сюрприз, майор, — Гвин тряхнула головой. — Если вы не согласитесь научить меня стрелять, то я сейчас вернусь в кабинет и скажу, что все-таки выбираю Торна. Пусть он сопровождает меня по Лондону. Вы мне нужны только, если будете делать то, что я прошу, по крайней мере, в этом случае.

Проклятье! Похоже, она не успокоится и своего добьется.

Джошуа бы с радостью сейчас умыл руки и отказался выполнять ее просьбу, но тогда он лишится своего шанса поехать в Лондон, получив на это благословение Шеридана.

Или он может использовать проверенную временем тактику: изменение направления или небольшое отклонение от того, что ему навязывают. Хм. Это *может* сработать. У него в голове выстроился план.

Он кивнул, словно признавая поражение.

– Хорошо. Будут вам уроки по стрельбе.

Глава 4

На следующий день после Пасхи их компания отправилась в Лондон в комфортабельной карете Торнстока, как раз предназначенной для дальних путешествий. Гвин с матерью сидели с одной стороны, а Торн с майором напротив них. Для разнообразия Торн старался развлекать мать, загадывая ей загадки.

Гвин было гораздо интереснее наблюдать за майором Вулфом.

По правде говоря, Гвин с ужасом думала о предстоящем представлении высшему свету, пока Торн не нанял майора, чтобы их сопровождать. В тот день в кабинете она, конечно, дразнила гусей, но это было так весело и забавно, что она едва ли могла ждать, когда ей представится следующая возможность. Стоило ей начать поддразнивать майора, как он прекращал хмуриться, исчезало мрачное выражение лица, и он начинал говорить с сарказмом. Это означало, что ей удалось задевать его гораздо сильнее, чем он показывал, что ее тогда удивило.

А сегодня ему снова удалось ее удивить. После всех разговоров об отсутствии приемлемой одежды Гвин ожидала увидеть Вулфа, по крайней мере, в военной форме. Но хотя его одежда, выбранная для путешествия, оказалась немодной (теперь мало кто из джентльменов носил пальто серого

с голубоватым оттенком цвета и дымчато-серые брюки), он в ней выглядел так хорошо, что не слишком новый вид костюма едва ли имел значение.

Даже без военной формы сразу же было понятно, что это офицер. Все в нем кричало об этом: от локонов цвета черного дерева, которые он стягивал в хвост, до серых замшевых перчаток и черных кожаных сапог военного образца.

О, да она просто слюни пускала от этих сапог! Носок его правого сапога касался ее юбки, иначе в карете было просто не разместиться, а майор, похоже, не мог толком сгибать ногу в колене из-за ранения. Гвин жалела, что ей не хватает смелости, чтобы водить носком своего короткого сапожка по носку его высокого сапога. Может, тогда он протянул бы ногу ей под юбку, по крайней мере, достаточно для того, чтобы они могли касаться друг друга сапогами более... э-э-э... интимно.

Может, тогда он *наконец* взглянул бы на нее. Вулф уже целый час смотрел в окно, а Гвин не могла понять, что такого интересного он там нашел. Пасха в этом году была ранней, сезон тоже начинался рано, так что настоящая весна еще не пришла. На некоторых деревьях появились почки, но стояла сырая и холодная погода, и шерстяной плащ Гвин не спасал ее от этой сырости и холода даже в карете.

Гвин поежилась, и мать взяла ее руку в перчатке в свою.
– О, моя дорогая, у тебя руки холодные как лед! – воскликнула мама. – Мы *обязательно* должны купить тебе

в Лондоне плащ теплее. Да, этот очень красивый, надо отдать должное, но...

– Мой плащ прекрасно подходит для весны, мама, – сказала Гвин, не желая укреплять майора во мнении, что она испорчена и изнежена. – Кроме того, у меня практически не было возможности его носить, когда у нас начался траур. И я не собираюсь упускать эту возможность теперь, просто потому, что сегодня немного прохладно.

– Ну, когда мы будем останавливаться, чтобы поменять лошадей, я попрошу дать нам несколько нагретых кирпичей, – заявила мама. – Если согреть ноги, то и самой становится тепло. Я всегда так делаю.

– У нас нет времени ждать, пока согреют кирпичи, мама, – раздраженно вставил Торн. – Нас ожидают в гостинице «Золотой дуб» в Кембридже, как только спустятся сумерки, и я хочу успеть вовремя. Кроме того, я не замерз. А вы, Вулф?

– Чувствую себя прекрасно, – ответил майор, даже не повернув головы от окна.

– Конечно, *Джошуа* чувствует себя прекрасно, – фыркнула мама. – Он, вероятно, выходил в море при любой погоде в период службы.

– Наверняка, – сказал Торн. – А вы участвовали в той славной битве при Абукире⁵, Вулф?

⁵ Битва при Абукире (1798) – решающее сражение между Королевскими ВМС под командованием Нельсона и флотом Французской Республики в Абукирском заливе, Египет. Британцы одержали решительную победу. – *Прим. переводчика.*

Наконец майор отвернулся от окна.

– Да, – ответил он раздраженно. – Но она едва ли была славной, поверьте мне.

Торн немного изменил положение на сиденье, чтобы смотреть на майора.

– Но ведь Великобритания одержала сокрушительную победу, разве нет? Разве мы не омыли себя славой?

Майор Вулф скорчил гримасу.

– Только на моем корабле мы потеряли почти двести человек, многие из них были моими товарищами из морской пехоты. Так что простите, если мои впечатления от этого сражения окрашены кровью, которую я видел на палубах нашего «Маджестика». Она лилась по ним реками. В один момент «Маджестик» оказался между двух французских кораблей, и тогда мы потеряли и нашего командира корабля, и две мачты, и это не говоря про то, как серьезно пострадал корпус. Тогда эта битва совсем не казалась славной.

– Тем не менее вчера вечером Шеридан рассказал мне, что вы – настоящий герой войны, – настаивал Торнсток. – После этой битвы вас повысили в звании до капитана за то, как вы себя показали во время нее. Я понятия не имел об этом.

Гвин тоже не имела понятия. Как же, наверное, Вулфа раздражает его положение егеря! Он ведь был вынужден опуститься так низко по социальной лестнице. Неудивительно, что он постоянно ворчит.

– Вас ранили во время этого сражения? – спросила Гвин, которой хотелось услышать все, что Вулф только может рассказать про свою службу в морской пехоте.

Уголки его губ слегка приподнялись вверх.

– Нет. Битва при Абукире состоялась десять лет назад. А я не столько времени прохлаждаюсь в Сэнфорте, ваша светлость.

– Простите, – пробормотала Гвин. – Я мало знаю про войну с Францией.

– Это видно, – заметил Торн.

– Вообще-то я в то время жила в Берлине, – не осталась в долгу Гвин.

– И мы все знаем, что в Берлине не выходят газеты, – язвительно сказал Торн.

Мать гневно посмотрела на них обоих, потом обратила свое внимание на майора Вулфа.

– Знаешь, Джошуа, не нужно так официально с нами разговаривать. Ты же мой племянник, а значит, член семьи.

– Да, старина, я собирался сам об этом вчера сказать, – добавил Торн. – Вы будете выделяться в обществе, если и дальше будете использовать такие обращения как «ваша светлость», «миледи» и прочие. Так какой-нибудь юнец может говорить. Я знаю, что мы с Гвин не являемся вашими кровными родственниками, но мама правильно сказала: вы – член нашей семьи, в особенности раз теперь ваша сестра вышла замуж за нашего единоутробного брата. Кроме того,

вы сами – внук герцога. Так что, ради всего святого, прекращайте использовать все эти почтительные обращения к титулованным особам.

– Я пыталась ему это сказать два дня назад, но он не слушает, – вставила Гвин.

Майор вопросительно приподнял бровь.

– Простите, леди Гвин, но мне было сложно запомнить многочисленные указания, которые вы мне давали, как и просьбы.

Он опасно близко подошел к упоминанию ее желания научиться стрелять. Судя по блеску в его глазах, он тоже это знал.

– Да уж, Гвин у нас такая. Всегда всем дает указания, – заметил Торн.

– Я?! – Гвин скрестила руки на груди. – Именно ты говорил и говорил о его одежде, и никак не мог успокоиться.

– Замолчите оба! – приказала мама. – Я не хочу слушать эти пререкания на всем пути до «Золотого дуба».

Торн закатил глаза.

– Мама, мы больше не дети, и уже много лет не дети.

– А мне кажется, что вы до сих пор не повзрослели, – заявила она. – Мой племянник – единственный, кто ведет себя здесь подобающим образом.

– Не думаю, что кто-нибудь когда-нибудь считал, что я веду себя «подобающим образом», включая мою сестру, – заметил майор.

Одно упоминание любимой маминой племянницы смягчило ее.

– Я уже давно собиралась тебе сказать, Джошуа, – это так мило, что ты едешь с нами и собираешься прийти на бал, где твою сестру будут представлять высшему обществу. А она знает, что ты приедешь?

Майор Вулф украдкой взглянул на Гвин: в его глазах стоял немой вопрос. Когда она едва заметно покачала головой, Джошуа ответил:

– Нет, это будет сюрприз.

– Так еще и лучше! – воскликнула мама. – С нетерпением жду вашей встречи! Представляю ее выражение лица, когда она увидит, как ты заходишь в лондонский особняк – неторопливо, будто прогуливаешься по городу...

– В таком случае я обязательно попытаюсь именно так зайти в дом, если только и для того, чтобы порадовать вас, тетя, – сказал Джошуа с плохо скрываемой злобой, хотя при этом не встречался взглядом с Гвин.

Мама не уловила скрытого смысла его слов, потому что была очень возбуждена от одной мысли о том, как удивится Беатрис. Но Гвин мгновенно уловила, как майор Вулф отреагировал на произнесенную мамой фразу, и ей стало его так жалко, что аж сердце сжалось. Сколько раз в день люди бездумно произносят подобные вещи? Почему они так невнимательны? Как часто ему приходится притворяться, что он не заметил подобные оговорки?

– Очень жаль, что ты также не сможешь присутствовать на представлении Беатрис при дворе, – весело продолжала мама. – Хотя, возможно, Грею удастся раздобыть для тебя приглашение, если он поговорит с нужными людьми.

– Пожалуйста, не напрягайте его. Это не нужно, – слова майора скорее прозвучали как приказ, а не просьба. – Для меня будет вполне достаточно посетить бал, на котором Беатрис будут представлять высшему обществу.

Гвин поморщилась. Все это для него явно будет пыткой: его вынуждают возвращаться в высшем обществе, когда он этого совсем не хочет. Но это может пойти ей на пользу. Может, ей удастся уговорить его хотя бы разок или пару раз остаться в особняке, пока она присутствует с друзьями на светских мероприятиях. С друзьями, от которых легко ускользнуть. Фактически ей потребуется всего один раз, чтобы передать деньги Лайонелу.

– А почему ты вдруг решил присоединиться к нам в Лондоне? – спросила мама. – Беа была уверена, что ты не приедешь, даже если она тебя попросит.

Джошуа быстро взглянул на Гвин, задержав взгляд на ней буквально на долю секунды, потом резко отвернулся и сухо произнес:

– Я скучал по ней.

Гвин очень хотелось фыркнуть, и она сдержалась с большим трудом, она также видела, что ее брат прилагает большие усилия, чтобы не рассмеяться.

– Это так мило! – Мама сурово посмотрела на Торна. – Как жаль, что у близнецов не сложилось таких теплых отношений. Нет между ними такой близости! Но Торн так и не простил Гвин за то, что не вернулась вместе с ним в Англию, когда он поехал вступать в права наследства, достигнув совершеннолетия.

– *Мама*, – многозначительно произнес Торн с болью в голосе.

– Что? Это правда.

– Может, и так, но я уверена, что это неинтересно майору, – заметила Гвин. – Он не хочет слушать про наши семейные дразги.

– Как раз наоборот. Внимательно слушаю, – сказал майор Вулф.

И очевидно, что еще и внимательно смотрел, потому что от его взгляда у Гвин внутри появились какие-то странные ощущения.

– Все началось, когда у Гвин появился этот особенно назойливый поклонник. Столько от него было беспокойства! – вспомнила мама.

Гвин умоляюще посмотрела на Торна, но он на этот раз не знал, что сказать. Он дара речи лишился!

– Я забыла, как его звали, – продолжала мама. – Вроде Хейзел-что-то-там-еще?

Хейзелхерст был еще одним ухажером Гвин. Слава богу, что у мамы не очень хорошая память. Гвин особенно радо-

валась тому, что мама не помнит всю довольно долгую историю ухаживаний за ее дочерью тех мужчин, за которых она в конце концов так и не вышла замуж.

– Да, мама, это был Хейзелхерст, – сказала Гвин, но в данном случае соврать стоило.

– В любом случае, насколько я понимаю, Торн очень плохо с ним обошелся, наговорил ему массу неприятных вещей, и он поступил на службу в военно-морской флот, – продолжала мама. – А Гвин его так никогда и не простила.

– Хейзелхерста? Или Торнстока? – спросил майор Вулф, изучающее глядя на лицо Гвин.

– Обоих, – ответила ее мать. – Умыла руки. На обоих обиделась.

– И ты меня обвиняешь в этом? – фыркнула Гвин. – Торн не должен был прогонять Хейзелхерста, а Хейзелхерст, в свою очередь, не должен был позволять Торну выгнать себя вон.

– В особенности если дело было только в том, что ваш брат «наговорил ему массу неприятных вещей». Это такая мелочь, такая банальность, – заметил майор. – Если этот самый Хейзелхерст не смог за себя постоять при таких обстоятельствах, то ему явно тяжело пришлось в военно-морском флоте. Это суровая школа.

– Не сомневаюсь, – сказал Торн, который *наконец* пришел в себя и собрался с мыслями. – Я слышал, что на военных судах до сих пор используются телесные наказания. Это прав-

да, майор?

Джошуа пожал плечами:

– Зависит от командира корабля. Я видел, как матросов пороли на некоторых судах, а на других телесные наказания вообще не применялись.

Торн определенно нащупал тему, интересную для майора, потому что они вдвоем стали обсуждать отношение к морякам на военных кораблях, сражения, в которых участвовал майор Вулф, и самые разные военные темы, которые интересуют мужчин.

При других обстоятельствах Гвин тоже заинтересовалась бы этим разговором. Однако в этот день она слушала вполуха и не могла сосредоточиться ни на чем, кроме своего облегчения. Беды удалось избежать.

Но насколько? Что, если мама вспомнит еще что-то из прошлого Гвин, что заставит ее врать? Или теперь мама наконец удовлетворена, поскольку высказала свое мнение?

Представление Гвин высшему обществу будет определенно сопряжено с гораздо большим количеством угроз и опасностей, чем она ожидала. Потому что меньше всего на свете ей хотелось, чтобы майор Вулф – или кто-то из ее семьи – узнал правду о ее прошлом с Лайонелом Мэлетом.

Глава 5

Они останавливались каждый час, чтобы поменять лошадей, и время от времени одна или другая дама выходила из кареты по зову природы. Но стоянки были слишком короткими для того, чтобы Джошуа мог сам выйти из кареты и разработать больную ногу. При обычных обстоятельствах ему бы это не потребовалось, пока они не остановились бы на ночлег, — если бы он мог ее полностью вытянуть и избежать судорог.

Но, к сожалению, вытянуть ногу полностью было невозможно, пока он сидел напротив леди Гвин. Он не мог себе позволить засунуть сапог под элегантное зеленое платье, в котором она отправилась в путешествие. Для начала он не хотел его испачкать, как и плащ, надетый поверх платья и очень дорогой по виду. С другой стороны, даже если она все правильно поймет, Джошуа опасался, что *его собственное* воображение начнет усиленно работать, и он будет представлять запретные места у нее под юбкой, стоит только одному его сапогу оказаться там.

Если бы Джошуа запустил сапог под юбку своей тети, она, вероятно, не стала бы возражать против такого вторжения в ее личное пространство. Но как бы Джошуа ни пытался устроиться напротив тети, у него ничего не получалось, и он каждый раз оказывался напротив леди Гвин. За этим стояли

или его тетя, или Торнсток, или оба. Он не думал, что леди Гвин имела какое-то отношение к такой рассадке в карете. И вообще она молчала с тех пор, как они с Торнстоком стали обсуждать военные темы.

Через некоторое время леди Гвин заснула. И только тогда Джошуа осмелился протянуть ногу вперед так, чтобы его сапог оказался у нее под юбкой. Но было уже слишком поздно. Так что, когда они остановились перед гостиницей «Золотой дуб», Джошуа практически выпрыгнул из кареты, желая поскорее выбраться из тесного пространства. Сейчас ему хотелось только прогуляться, чтобы вернуть ноге чувствительность, потом вкусно поесть, выпить стаканчик бренди и посидеть перед горящим камином, поставив больную ногу в ведро с горячей водой, чтобы стопа и икра наконец отошли.

Джошуа радовался, что при желании он сможет все это проделать в одиночестве, потому что герцог снял для него отдельный номер и сообщил ему об этом заранее. Определенно быть «героем войны» неплохо, это дает кое-какие преимущества.

– Куда ты собралась, Гвин? – спросила тетя, а он услышал.

– Прогуляться, мама. Мне нужно немного подышать свежим воздухом. Я ненадолго.

Проклятье! Эта женщина прямо в эти минуты уже шла через двор в своем дорогом плаще и шляпке, направляясь с территории гостиницы к арке, сквозь которую они только что въехали во двор. Торнсток провожал тетю Лидию в гостини-

цу, а услышав сестру, остановился и быстро кивнул Джошуа. Было очевидно, что работа Джошуа в качестве телохранителя начиналась прямо *сейчас*.

Он с трудом удержался, чтобы не выругаться, изменил курс и последовал за молодой женщиной.

– Леди Гвин! – крикнул он.

Она остановилась, чтобы оглянуться, и явно удивилась.

– От вас не требуется меня сопровождать, майор. Я уверена, что вы сейчас не меньше, чем Торн, хотите выпить кружечку эля.

– Вам нельзя ходить по незнакомому городу без сопровождения.

– Почему нет? – Она развернулась, чтобы продолжить путь. – Я постоянно гуляю в одиночестве за городом. И сейчас еще даже не стемнело.

– Вскоре стемнеет. – Джошуа догнал ее. – В любом случае, независимо от того, темно сейчас или нет, Мэлэт мог ехать за нами на всем пути от поместья и ждать как раз такой возможности, чтобы вас похитить.

– Сомневаюсь. Он... – Она замолчала, словно поняв, что собирается сказать какую-то глупость. Затем она поплотнее запахнула плащ вокруг себя. – Хорошо. Но я собираюсь посмотреть церковь Святой Марии Великой и вернуться в гостиницу только после этого. Вы уверены, что хотите идти так далеко? Прогулка со мной не... м-м-м... будет слишком болезненной для вашей ноги?

Джошуа задумался, стоит ли говорить правду, и наконец решил, что ничего не добьется, если будет врать.

– Для меня болезненна *не* ходьба. Для меня трудно подолгу ездить в карете. Ногу начинают сводить судороги, если я долго сижу на одном месте и не двигаюсь.

– О боже! – Казалось, что леди Гвин искренне расстроена. – Я не знала. Мы можем что-нибудь сделать, чтобы хоть как-то вам помочь?

«Позволить мне завтра засунуть ногу вам под юбку так далеко, как я посмею. Взять мою ногу вашими красивыми ручками сегодня вечером и массировать ее, пока я не засну».

Проклятье!

– Нет, – резко ответил он. – Я привык к этим проблемам.

– Надеюсь, вы скажете нам, если мы хоть как-то можем облегчить ваше путешествие. Чтобы вам было лучше.

– Скажу. – Пора было менять тему, пока образ того, как она делает ему «лучше» несколькими способами, не вынудил его думать о совсем неразумных вещах. Хватит этих похотливых и сладострастных мыслей! – Меня интересует один вопрос. Что именно ваш брат сделал или сказал этому Хейзелхерсту, если он предпочел сбежать на войну, вместо того чтобы жениться на вас?

– Во-первых, не факт, что Хейзелхерст женился бы на мне, даже если бы *остался*.

– А вы тогда не были наследницей?

– Была.

– В таком случае он бы на вас женился. – Как только слова вылетели у него из рта, Джошуа понял, что они звучат очень оскорбительно. – Боже, я не...

– Для вашего сведения: я не имела в виду, что он мог бы решить не жениться на *мне*, – заявила леди Гвин, чеканя каждое слово. – Я имела в виду, что это я могла бы решить не выходить замуж за *него*.

– Конечно! Простите меня, леди Гвин. Когда речь идет о браке и сердечных делах, я обычно бываю циничен. И мой цинизм окрашивает каждое слово, вылетающее у меня из рта.

Ответом ему было молчание.

Джошуа предпринял еще одну попытку.

– Само собой разумеется, что *вы* можете выбирать мужчин из массы желающих, но я подумал, что любого мужчину, который не женится на такой красивой и воспитанной женщине, как вы, можно считать только идиотом, в особенности раз речь еще идет и о богатом приданом. Поскольку вы с братом дали ясно понять, что этому Хейзелхерсту не хватило ума, или Господь не дал его ему...

– О, прекратите, майор. Я не так ранима, чтобы реагировать на всю эту чушь. Я сразу могу определить, если кто-то пытается мне льстить.

Это поразило его. Хотя леди Гвин говорила желчным тоном, определенно она не выглядела оскорбленной, и по голосу это не чувствовалось. Уже плохо, что Джошуа чуть бы-

ло не захлебнулся от избытка чувств к женщине, для которой комплименты, вероятно, были чем-то в порядке вещей, и Джошуа точно не собирался признавать, что имел в виду каждое слово из этой «чуши».

Какое-то время они шли в молчании, миновали каретный двор и конюшни рядом с ним, а потом вышли на главную улицу Кембриджа. Их гостиница находилась в менее населенной части города, поэтому они большую часть своей прогулки не встречали никаких людей.

Джошуа понял, почему леди Гвин так беспокоилась, выдержит ли его нога эту прогулку, но ведь он каждый день проходил большие расстояния по территории поместья. Просто ему приходилось идти медленнее, чем ходит большинство людей.

Они вошли в часть города, где находились университетские здания. Двое мужчин разгружали ящики с повозки, которая стояла перед таверной. Мужчины смеялись и шутили, когда вдвоем несли один из ящиков внутрь. Это была идиллическая картина. Подобное могло происходить в любом месте, в любом городе Англии.

Джошуа с леди Гвин только что прошли мимо повозки, и вдруг у них за спиной раздался дикий грохот.

Этот звук будто катапультировал Джошуа назад в прошлое, на палубу «Амфиона», где пушечные ядра срывали оснастку и врезались в людей... Сработал инстинкт – он припал к земле, выхватил из кармана свое морское ружье с удар-

но-кремневым замком и взвел его. И только через несколько секунд он понял, что открылась крышка одного из ящиков, и он услышал звук, создаваемый оловянными кружками, которые с грохотом падали из него на мостовую.

Двое мужчин, уронивших ящик, замерли на месте при виде нацеленного на них оружия. Джошуа тоже замер, он был дезориентирован.

Внезапно он почувствовал, как рука леди Гвин опустилась на его собственную.

– Я думаю, что сейчас нет необходимости стрелять, – тихо сказала она.

Ему стало очень стыдно, болезненно стыдно. Проклятье, что же он делает-то?

– Уберите руку, леди Гвин. Мне нужно поставить оружие на предохранитель, – сказал Джошуа натянутым тоном.

И она убрала. Джошуа встал и занялся оружием. Затем он повернулся к леди Гвин:

– Ради всего святого, никогда, *никогда* не прикасайтесь к руке мужчины, когда он держит взведенный пистолет или ружье!

Она с трудом сглотнула.

– П-простите. Я просто...

– Я мог бы их застрелить. – Казалось, что ему никак не успокоиться. – Я мог бы застрелить *вас*. Если бы я повернулся...

– Но вы не повернулись, – сказала она, а ее пылающие ще-

ки показали, что она приняла его предупреждение близко к сердцу. Потом она схватила его за руку и потащила прочь от двух мужчин, которые теперь наблюдали за ними с большим любопытством. — Все в порядке.

— Все *не* в порядке. — Джошуа все еще трясло от того, что он мог натворить. — Нам нужно возвращаться в гостиницу.

— Вначале вам нужно успокоиться. Когда успокоитесь, тогда и пойдем назад.

Продолжая держать его за руку, леди Гвин продолжила путь к центральной части Кембриджа. Джошуа шел, куда она вела, и его сердце молотом стучало в груди.

— Именно поэтому мне не следует ехать в Лондон, не следует работать телохранителем *ни у кого* вообще, черт побери. Мне нужны тихие места, вероятно, такие, где вообще нет никаких людей.

Или ему нужно возвращаться в морскую пехоту, где его поведение всем будет казаться нормальным.

— Чушь! Я сказала бы, что вы очень быстро поняли, что делаете. Ничего страшного не случилось.

Джошуа вопросительно приподнял бровь, глядя на нее.

— Но вы все еще крепко держите меня за руку, словно чтобы не дать мне на кого-нибудь наброситься. И не говорите мне, что не произошло ничего страшного. — Леди Гвин смутилась и отпустила его руку, а он добавил: — Теперь вы знаете, почему меня сторонятся жители Сэнфорта.

В особенности женщины, которые смотрели на него с бес-

покойством, стоило ему появиться в городе.

Тем не менее леди Гвин не проявляла никакого беспокойства.

– А вы раньше так на что-нибудь реагировали? Я имею в виду в Сэнфорте или на территории поместья?

– К сожалению, да.

– Как часто?

Джошуа заскрипел зубами, но ответил, потому что она имела право знать:

– Несколько раз.

– Вы когда-нибудь кого-нибудь застрелили? Ранили? Нанесли увечье?

– Пока нет. Но...

– Значит, вы справляетесь с ситуацией так, как можете. И я, кстати, тоже подпрыгнула, когда они уронили этот ящик у нас за спиной.

– Но вы ни в кого не стреляли.

– Так и вы не выстрелили! – упрямо сказала она. – А теперь мы сменим тему и продолжим нашу прогулку.

Джошуа внимательно посмотрел на нее.

– А вы любите командовать. Для женщины вы слишком властная.

– Вы же знакомы с членами моей семьи, не правда ли? Когда мы все собираемся вместе, начинается битва герцогов, каждый стремится, чтобы все было так, как хочет он. Я поняла, что если я хочу, чтобы мои желания хоть как-то учи-

тывались, то я должна тоже вступать в схватку с ними.

Несмотря на все случившееся, Джошуа улыбнулся. Ее заявление усилило впечатление, которое у него сложилось о ее семье.

Они еще немного прогулялись.

– Великолепный закат, правда? – сказала леди Гвин, вероятно, решив хоть как-то его развеселить.

Джошуа не заметил. Но теперь он заставил себя обратить внимание на садящееся солнце справа от них. Оно висело уже низко над горизонтом, омывая небо розовым, оранжевым и пурпурным цветами, которые переходили один в другой.

– Да, – согласился он, а потом кивнул на впечатляющего вида здание. – Это та самая церковь, которую вы хотели увидеть?

– Да. Я стараюсь здесь бывать каждый раз, когда мы проезжаем через Кембридж. Мне всегда нравился стиль поздней перпендикулярной готики. Именно в этом стиле построена церковь Святой Марии Великой. Мне нравятся чистые линии, симметрия, отсутствие витражей. И именно из-за их отсутствия на эту церковь лучше всего смотреть на закате, как сейчас, – заходящее солнце отражается в окнах, и кажется, что вы смотрите на красные языки пламени.

Ему пришлось немного подумать перед тем, как ей отвечать.

– Иногда я забываю, что закаты не только показывают, ка-

кую погоду ждать в море. Красный закат – это хорошо. А если небо красно поутру, моряку не по нутру.

– Вы ведь много лет провели на борту корабля, да? Вы считаете эти приметы с красным небом верными?

– Обычно все совпадает.

Женщина вздохнула.

– Мне иногда так хочется нарисовать закат, но я не могу отдать ему должное.

– Никто не может. Монополия на закаты принадлежит природе. Я еще не видел ни одной картины, на которой закат выглядел бы именно так, как смотрится над морем.

– Вы – строгий судья, не так ли?

– Может, и так. Я видел не так много картин. – Джошуа бросил взгляд на леди Гвин. – Я и не знал, что вы художница.

Она печально рассмеялась.

– Назвать меня «художницей» – это примерно то же самое, что назвать мой плащ парусом. Я могу набросать план для низкой изгороди вдоль канавы или декоративных развалин, и это не займет у меня много времени, но я не могу изобразить здание так, чтобы отдать ему должное. В моем изображении оно даже близко не будет походить на оригинал. В этом я безнадежна.

– А, да. Я забыл про ваш интерес к архитектуре.

– Это потому, что вы почти никогда к нам не заглядываете, – ответила она легким тоном. – Мама бесчисленное количество раз приглашала вас на ужин, но вы ни разу не пришли.

Просто подумайте о том, сколько интересных и увлекательных разговоров вы пропустили. Только на прошлой неделе Шеридан с мамой очень долго спорили о том, как нужно завязывать галстук.

Джошуа покачал головой с мрачным видом. Казалось, он жил совсем в другом мире.

Леди Гвин тем временем убрала выбившийся локон под модную шляпку.

– Теперь, после того как я напомнила вам про свою любовь к архитектуре, вы должны мне рассказать, что интересует *вас*. Почему-то я сомневаюсь, что это ловля браконьеров, разведение ретриверов и все то, чем еще занимается егеря.

– Вы об этом догадались?

– Сложно было этого не сделать. Когда бы я вас ни встретила, вы выглядите очень мрачным и недовольным, поэтому можно только предположить, что вам не нравится ваша работа.

– У меня нормальная работа. Просто...

– Вы не думали, что вам придется заниматься этим всю жизнь, – сказала она.

– Вот именно.

– Но вы продолжаете ее выполнять, потому что боитесь кого-то обидеть, если возьметесь за что-то другое, – продолжала леди Гвин.

– Да. – Джошуа поразила ее проницательность, и он мрач-

но посмотрел на нее. — Я думал, что мы сменим тему.

— Правильно, — сказала она с легкой улыбкой. — А что вы думали делать? Как, по-вашему, должна была сложиться ваша жизнь?

— Я хотел вести людей в бой. Обсуждать стратегию с другими офицерами. Путешествовать по новым местам, которые... э-э-э...

— Находятся как можно дальше от Англии, — закончила она фразу за Джошуа. — Мне знакомо это чувство. На самом деле мне самой не хотелось возвращаться в Англию, хотя я учусь принимать неизбежное и довольствоваться тем, что есть. Сейчас идет война, все члены моей семьи живут здесь, поэтому мое возвращение в Берлин маловероятно, независимо от того, как я по нему скучаю.

— Это и есть истинная причина вашего отказа вернуться с Торнстоком, когда он вам это предлагал? Вы не хотели уезжать из Берлина и от ваших родителей?

— Частично. — Леди Гвин тяжело вздохнула. — А частично потому, что Торн возвращался к поместью, титулу и огромному богатству. В то время, как если бы сюда поехала я...

— То вас бы ничто из этого здесь не ждало. Только положение сестры герцога с поместьем, титулом и огромным богатством.

— Вы это говорите так, что создается впечатление, будто я испорчена и избалованна, — тихо произнесла она.

— Я не это имел в виду.

Черт побери, стоит ему открыть рот, как он ее оскорбляет. Джошуа немного подумал, пытаясь тщательно подобрать слова, потом снова заговорил:

– Все хотят иметь что-то свое, только свое, принадлежащее им одним. Если бы вы вернулись вместе со своим братом, то вы бы жили в тени его, как я живу в тени вашей семьи. Если кто-то и понимает, почему вы этого не хотели, то это я.

Леди Гвин выглядела довольной – ей явно понравились его слова, и она взяла его под руку. Казалось, что у Джошуа все внутри потеплело от этого прикосновения. Господи, помоги! Джошуа хотелось бы не реагировать на эту женщину таким образом.

Но, с другой стороны, он сейчас чувствовал себя гораздо спокойнее. Поразительно! Несомненно, что ее болтовня, само ее присутствие помогли ему успокоиться.

Джошуа позволил себе наслаждаться ощущениями, пока они шли по мощеной улице, а его трость ритмично постукивала по камням.

– Что это, сэр? Не улыбку ли я случайно вижу, появляющуюся в уголках ваших губ? – поддразнила его леди Гвин. – О, теперь я на самом деле жалею, что не умею рисовать. Мне хотелось бы запечатлеть образ майора Вулфа с улыбкой на губах. «Улыбка майора Вулфа в естественных условиях». Это так неожиданно! Ведь иначе никто не поверит, что вы умеете улыбаться.

– «Улыбка *Джошуа* в естественных условиях», – сказал

он и позволил себе шире улыбнуться, глядя на леди Гвин. – Вы же слышали, что говорила ваша мама? «Не нужно так официально с нами разговаривать».

Ее зеленые глаза блестели, когда они огибали пустошь, а по цвету напоминали растительность на этом участке земли.

– В таком случае вы должны называть меня Гвин.

На самом деле он не говорил серьезно, но теперь радовался, что сказал то, что сказал. Ему нравилась сама мысль называть ее просто по имени. И ведь они в некотором роде *на самом деле* были одной семьей.

Нет, все-таки не были. Ни в коей мере. И даже члены его семьи не видели, что он сегодня, чуть ранее, устроил на улице.

– Но никакого неофициального обращения по имени при свидетелях, – заявил он.

– Правильно, – согласилась она, причем в голосе ее звучала мягкость, объяснения которой Джошуа не находил. – Только когда мы вдвоем.

Когда он услышал слово «вдвоем», его сердце забилось в бешеном ритме. От мысли оставаться с ней вдвоем он почувствовал дикое ликование. Казалось, что кровь побежала быстрее у него по венам.

Это ликование было *неразумным*.

Затем, словно для того, чтобы напомнить ему о том, что желать ее было просто безумием, у него заурчало в животе.

Гвин рассмеялась.

– А *теперь*, я думаю, нам следует вернуться в гостиницу. Вы достаточно успокоились. Возможно, именно поэтому вы и отреагировали... так неистово. Такой высокий и мускулистый мужчина, как вы, не может долго не есть.

– Вы правы, – сказал Джошуа, хотя, несмотря на голод, ему очень не хотелось возвращаться, что было странно.

Они повернули назад к «Золотому дубу».

– Знаете, вы так мне и не сообщили, что же такое сказал ваш брат-близнец, чтобы прогнать Хейзелхерста.

Гвин нахмурилась.

– Вы правы. Я вам этого не рассказывала.

– Гвин, скажите мне. Я хочу знать.

Она молчала несколько минут, затем тяжело вздохнула.

– Хорошо. – Она в молчании прошла еще несколько шагов. – Торн заплатил ему, чтобы он уехал из Берлина. Насколько мне известно, он ему также заплатил за то, чтобы... э-э-э... он отправился служить в военно-морской флот.

Джошуа тихо присвистнул.

– Если бы я попытался повернуть что-то подобное с Беатрис, то она бы, если использовать ваше выражение, «вручила мне мои яйца в коробочке».

– Мне *следовало* это сделать, – беззаботно ответила Гвин. Но хотя она говорила таким легким тоном, Джошуа не мог не заметить, как покраснели ее щеки.

– Определенно, у вашего брата имелись веские основания, чтобы отделаться от этого человека, – сказал Джошуа, пред-

ставляя себя в аналогичном положении. – Ведь если этот тип взял деньги, он показал, что является охотником за богатыми невестами. Вы же не хотите такого человека в мужа, не правда ли?

– Конечно, нет. Но Торн в этой ситуации повел себя слишком самоуверенно.

– Согласен. Хотя ваш брат, вероятно, предложил этому типу внушительную сумму, если Хейзелхерст отказался от возможности получить ваше приданое.

– Если честно, дело было не только в деньгах, поскольку Торн предложил ему всего несколько тысяч фунтов стерлингов. Но Торн также сказал ему, что если... э-э-э... Хейзелхерст попытается меня украсть или сбежать со мной, то брат лишит нас обоих всех денег.

– А-а. Вы думаете, что он бы это сделал?

У нее опустились плечи.

– Это не имело значения. Хейзелхерст не был готов рисковать и гадать, получит он приданое или не получит. Он предпочел синицу в руке – взял то, что дали, и сбежал. – Гвин подняла глаза на Джошуа. – Вы говорите, что цинично относитесь к любви и браку? А уж как отношусь я... Я знаю, что большинство мужчин смотрят на меня, как на ходячий банк, поэтому я и не люблю мужчин.

– Значит, именно поэтому вы к тридцати годам так и не вышли замуж. А я задумывался почему. Вы кажетесь как раз таким типом женщины, который нравится джентльменам из

общества.

Она горько рассмеялась.

– Вы определенно давно не были в обществе, или поняли бы, что я даже *близко* не похожу на женщин, которых хотят джентльмены. Они предпочитают женщин, которые просто передадут им свое приданое и никогда не будут даже пытаться им указывать, как тратить деньги. Они хотят женщин, которые не высказываются ни о чем, имеющем значение, и говорят только: «Да, дорогой», «Все, что ты хочешь, дорогой», «Ты – мой хозяин и повелитель, дорогой».

– Не может же все быть так плохо, – заметил Джошуа. – Я не люблю высшее общество, как, очевидно, и вы, но мне кажется, что Грей прислушивается к Беатрис, а это кое о чем говорит, учитывая, что Беатрис – это самая дерзкая женщина, которую я когда-либо встречал.

– Более дерзкая, чем я? – уточнила Гвин, выжидающе глядя на него.

Проклятье!

– Я... э-э-э... думаю, что с моей стороны будет лучше воздержаться от сравнения вас двоих. Не думаю, что мой ответ вам понравится – ни в какой ситуации. И хотя вы не умеете стрелять, вон та булавка, которая торчит из вашей шляпки, кажется мне смертоносным оружием.

Как он и надеялся, это ее рассмешило.

– Джошуа, вы можете быть очень милым, если захотите.

– Не привыкайте к этому. По мнению моей сестры, этот

подвиг мне удастся совершить где-то раз в месяц.

– Определенно, у вас получается, по крайней мере, два раза в месяц, – заметила Гвин с улыбкой.

Но он прекратил слушать.

– Вон тот тип впереди нас не кажется вам подозрительным?

– Какой тип?

– Не осматривайтесь, не привлекайте внимания. – Джошуа накрыл ее руку своей. – Мы сейчас прогулочным шагом пройдем мимо каретного двора. Смотрите на меня и говорите.

– Что говорить?

– Не имеет значения. Не думаю, что он может нас услышать. Мне просто нужен повод, чтобы смотреть в этом направлении – как бы на вас, пока мы идем мимо каретного двора, чтобы увидеть, что этот тип делает внутри.

Гвин посмотрела на него снизу вверх.

– Вам не кажется, что вы уж слишком подозрительны? Может, это все еще продолжение реакции на то, что случилось ранее?

– Нет. Этот тип, который сейчас заходит в каретный двор, не одет в форму служащих гостиницы. Если бы он *на самом деле* работал в гостинице, то сейчас побежал бы помогать менять лошадей вон на той карете, которая только что заехала во двор. И это еще не все. Перед тем как зайти в каретный двор, он осмотрелся, явно проверяя, не следят ли за входом

конюх и слуги.

– Я... ничего из этого не заметила.

– Я научился этому в морской пехоте. Я замечаю все.

– А *он* заметил *нас*?

– Нет. Он смотрел в сторону арочного прохода, а не на дорогу, по которой мы шли. Он был слишком занят, проверяя, чтобы его не заметил никто из работников гостиницы. – Джошуа улыбнулся Гвин, при этом осматривая каретный двор. – А теперь смейтесь, если можете засмеяться естественно.

– Расскажите мне какую-нибудь шутку, и я смогу.

– Ваша шляпка надета задом наперед, – сказал Джошуа.

Гвин рассмеялась.

– Она надета правильно. И это не шутка.

– Но вы же рассмеялись, правда? – Джошуа взглянул ей за спину, но во дворе пока еще не зажгли фонари, поэтому рассмотреть все происходящее было невозможно. – Возвращайтесь в гостиницу и присоединяйтесь к вашим родственникам, пока я выясняю, что этот тип здесь делает.

– Ни за что! – заявила она. – К тому же две пары глаз лучше, чем одна.

– Правильно. Только мне придется за ним проследить, как только он выйдет из двора.

– Зачем?

– Мне нужно выяснить, кто его хозяин.

– Хорошо.

Но, судя по ее выражению лица, Гвин не понимала, почему Джошуа так хочет выяснить, кто этот тип.

Он понимал ее замешательство. Но его интуиция, какое-то внутреннее чувство подсказывало ему, что этому типу нельзя доверять. А Джошуа давно научился не ставить под вопрос то, что подсказывает ему интуиция.

После того как они миновали вход в каретный двор, Джошуа потянул Гвин к забору чуть в стороне от входа, а сам заглянул внутрь. К счастью, карета Торнстока заезжала последней и теперь оказалась совсем недалеко от того места, где они стояли. Но, к сожалению, хотя Джошуа и понимал, что подозрительный тип что-то делает с экипажем, он не видел, что именно тот делает. Ему придется вернуться позднее и очень тщательно осмотреть карету – после того как он проследит за этим мужчиной.

Внезапно подозрительный тип бросил свои дела у кареты и поспешил к выходу. Проклятье, он же *прямо сейчас* окажется здесь! Спрятаться было негде, времени сбежать тоже, даже если бы Джошуа и мог сбежать. Через несколько секунд этот тип их увидит и явно задумается, почему они тут стоят перед каретным двором, хотя вроде бы прошли мимо несколько минут назад.

Джошуа посмотрел на Гвин сверху вниз, его мозг судорожно работал. Затем он сделал ту единственную вещь, которая и скроет их лица, и правдоподобно объяснит, почему они все еще остаются здесь.

– Подыгрывайте, – прошептал он.

Потом Джошуа притянул ее к себе и накрыл ее губы своими.

Глава 6

Гвин застыла на месте. Джошуа ее целовал. *Целовал* ее. Хотя, если подумать, он не столько ее целовал, сколько прижимал свои губы к ее губам. Рот у него не двигался, а свободной рукой он легко придерживал ее за талию. Более того, глаза у них обоих были открыты, и происходящее не напоминало ее поцелуи ни с одним другим мужчиной.

Именно поэтому Гвин смогла увидеть типа, за которым они следили. Он прошел мимо них, потом остановился, чтобы на них посмотреть. Сердце у нее судорожно стучало в груди, она закрыла глаза и обвила руками шею Джошуа.

Она сделала это только для того, чтобы отделаться от незнакомца. Или, возможно, она сделала это потому, что ей хотелось настоящего поцелуя? В любом случае в ту минуту все изменилось. Джошуа словно забыл про истинную причину, заставившую ее поцеловать, потому что у него из груди вырвался стон, а его губы стали работать, а не просто касаться ее собственных.

От этого движения его губ у Гвин резко участился пульс. От Джошуа пахло медовой туалетной водой, мылом и разогретой на солнце натуральной кожей. Гвин не ожидала, что он будет пахнуть так соблазнительно.

Или так хорошо целоваться. Это не был нежный поцелуй. Это был настоящий, долгий, голодный и прекрасный поце-

луй, это была попытка ее завоевать. А когда Гвин раскрыла для него губы, Джошуа сразу принял это приглашение, причем с дикой, какой-то звериной страстью, снова и снова проталкивая язык ей в рот. И после каждого подобного движения у нее по телу пробегали волны наслаждения.

Вот *что* это такое, когда тебя целуют по-настоящему. Гвин меньше всего ожидала этого от Джошуа.

В следующее мгновение он прижал ее к стене здания, бросил свою трость, чтобы обнимать ее уже двумя руками и держаться за нее ими. Почему то, что он сделал, почему это прижимание ее к стене заставило ее расслабиться? А она чувствовала себя мягкой, как масло, растекающееся по стене каменного двора. Она таяла.

Гвин не знала, почему это чувствовала, и ее это не волновало. Она просто хотела продолжения, хотела еще. Поцелуи Джошуа были великолепным пиром, которым она наслаждалась, это было блюдо, которое она ела с жадностью. Поразительная мягкость его рта контрастировала с жесткостью щетины у него на челюсти, которая царапала ее кожу.

Первые яростные движения его языка теперь стали более медленными и мягкими. Они стали соблазняющими и искушающими, отчего Гвин почувствовала слабость в ногах, колени подкашивались. Она держалась за шею Джошуа так, как облако может держаться за гору. Одна его рука переместилась ей под плащ на ребра, затем стала скользить вверх и вниз медленно и приятно, отчего по ее нервным окончаниям

ям побежали самые разнообразные ощущения. Каскад ощущений! Гвин хотела, чтобы Джошуа коснулся ее и в других местах, более интимных.

Боже, этот мужчина знал, как целовать женщину, как *дергать* женщину. Как неожиданно и как восхитительно!

Так что, когда наконец Джошуа от нее оторвался, Гвин почувствовала острое разочарование. Оно просто огнем горело у нее в горле. Он внимательно осматривал ее лицо в сумерках, которые, к счастью, скрывали их обоих от всех людей, находившихся рядом с гостиницей.

– Он ушел, да? – выдохнул Джошуа.

Ее мозг был так затуманен наслаждением, которое она только что испытала, что Гвин чуть не спросила: «Кто?», но вовремя взяла себя в руки.

Гвин осмотрела дорогу за ними.

– Боюсь, что да, – сказала она, надеясь, что Джошуа не заметит, как дрожит ее голос.

– Проклятье! – Он нахмурился и смотрел на теперь пустую дорогу. – Я увлекся... Я забыл... – Джошуа наклонился, чтобы поднять трость. – Не важно. Я упустил свой шанс.

– Какой шанс?

– Проследить за ним.

– О, да. Правильно.

Гвин прилагала усилия, чтобы не показать ему, как ее обижают его слова и его злость. Как дура, она думала, что их поцелуй что-нибудь для него значит. Ей следовало знать, что

это не так. Это же майор Вулф, для которого все происходящее – это только морская операция, даже грохот падающих на мостовую оловянных кружек. Их поцелуй был всего лишь средством достижения цели.

Нет, *так* она не могла ошибиться, если говорить про то, какой эффект она производила на него. Гвин достаточно часто целовали в прошлом, так что она могла отличить настоящий поцелуй от притворства. У них был настоящий поцелуй. А то, что Джошуа перешел от касания губами к глубокому поцелую и ласкал ее...

Это говорило о многом. Как и то, как он сейчас избегал встречаться с ней глазами.

– Подождите здесь, пока я схожу на каретный двор и попытаюсь понять, что же этот тип сделал с каретой вашего брата.

Гвин нахмурилась. Было очевидно, что Джошуа не собирался обсуждать их поцелуй или то, что он мог значить. Он явно не собирался ее целовать, вообще не собирался, даже несмотря на то, что он *ответил* с радостью, когда они уже целовались, и она показала, что можно зайти дальше. Она очень рано узнала, что мужчины такие. Они могут получить удовольствие от поцелуя, который для них ничего не значит. Так определенно было в случае Лайонела.

Хорошо. Если Джошуа хочет игнорировать их страстный поцелуй, она тоже притворится, что ничего не случилось. Но она не позволит ему себе что-либо приказывать.

– Вы, Джошуа, любите командовать не меньше, чем я, но я – не из ваших солдат, которым можно отдавать приказы. Я пойду на каретный двор вместе с вами. – Судя по выражению его лица, он собирался возразить, поэтому Гвин тут же добавила: – Никто не увидит. После всех усилий, которые мы приложили, чтобы с самого начала не показывать ему, что мы за ним следим, я заслуживаю знать, что он сделал.

Получил, майор Я-Держу-Все-Под-Контролем Вулф? Она тоже способна вести себя так, будто их поцелуй совершенно ничего не значил.

Его глаза блестели, когда он смотрел на нее в свете поднимающейся луны.

– Хорошо, пойдемте.

Он развернулся на каблуке и первым вошел на каретный двор.

– Наш кучер держит кремень и свечи, чтобы зажигать лампы в карете, в ящике под козлами, – сообщила Гвин, следуя за Джошуа.

– А вы это откуда знаете, черт побери? – спросил Джошуа.

Гвин пожала плечами:

– Вы замечаете опасности, которые могут угрожать. Я отмечаю для себя места, куда слуги убирают вещи, которые мне самой могут когда-нибудь понадобиться.

Джошуа покачал головой, словно не понимал смысла этого, затем попытался открыть ящик, о котором она говорила. Он не поддавался, Джошуа потянул сильнее – и козлы,

передние колеса, фактически вся эта часть экипажа как-то странно затряслась.

– Подождите минутку, – сказал он, подозрительно оглядывая конструкцию. – Кажется, я понимаю, что сделал этот тип. – Джошуа осмотрел болты, которыми козлы крепились к карете. – Да разрази его гром! Он ослабил болты так, чтобы это сиденье отвалилось, как только карета начнет движение на достаточно высокой скорости.

– Это ужасно! – воскликнула шокированная Гвин.

– Не просто ужасно, а еще и опасно. – Джошуа порылся в ящике под козлами и нашел там инструменты. – Если бы козлы отвалились, то вместе с ними свалился бы и кучер, лошади испугались бы и стали неуправляемыми. Мы, скорее всего, оказались бы в незавидном положении, как бывает, если лошади вдруг понесли карету с пассажирами.

Джошуа нашел отвертку и надежно прикрутил все болты.

– Но теперь, после того как вы обнаружили, что он сделал, все будет в порядке?

– Как сказать. Все зависит от обстоятельств. – Джошуа вернул отвертку в коробку с другими инструментами, а коробку убрал назад в ящик под козлами. – Предполагаю, что этот негодяй надеялся использовать свой шанс в суматохе и выкрасть вас.

У нее холодок пробежал по спине.

– Значит, вы считаете, что за всем этим стоит мистер Мэлэт?

Джошуа отряхнул руки.

– Если только не какой-нибудь разбойник с большой дороги, который решил ограбить Торнстока. Герцогу сложно остаться незамеченным во время путешествия. А преступники не дремлют.

– Что вы считаете более вероятным?

Глядя ей прямо в глаза, Джошуа пожал плечами.

– Думаю, что это Мэлэт, раз он все еще хочет вас похитить.

Лайонел не хотел ее похищать. Он сам ей сказал, что не собирается этого делать, и объяснил почему. Но он может надеяться ограбить Торна, отомстить ее семье за то, что считал пренебрежительным и неуважительным отношением к нему самому. Или, не исключено, он решил, что так быстрее доберется до денег.

– В любом случае сегодня вечером мы сделали все, что могли, – объявил Джошуа. – Но я думаю, что завтра сам поеду на козлах вместе с кучером на тот случай, если этот негодяй *все-таки* из разбойников с большой дороги и будет поджидать нас с друзьями.

– Я думала, что разбойники с большой дороги в наши дни уже перевелись.

– Нет, встречаются еще, но очень редко. Именно поэтому я и склонен думать, что это все было задумало Мэлетом, чтобы вас похитить.

– Но откуда ему знать, когда карета сломается?

– Он бы за нами поехал. Кстати, и кто-то из разбойников тоже. В любом случае мое морское семизарядное ружье будет наизготове. А ваш брат будет рядом с вами в карете. Вам ничего не угрожает.

Гвин скрыла свое разочарование. Она с нетерпением ждала завтрашнего дня, чтобы снова путешествовать рядом с ним в ограниченном пространстве. Это дало бы ей возможность расспросить Джошуа о его прошлом – как его ранило, была ли у него когда-нибудь любимая девушка, почему он стал таким мрачным и хмурым, и склонным к внезапным приступам гнева.

Почему он выхватил оружие и направил на двух озадаченных мирных горожан?

– Нам лучше вернуться в гостиницу, – сказал Джошуа. – Ваши родственники уже явно беспокоятся и гадают, куда мы подевались. А мне нужно будет поставить Торнстока в известность о случившемся.

Гвин кивнула. Значит, вот как оно получается. Никаких упоминаний о поцелуе. Вообще ни слова о нем. Она явно навоображала себе, что майор Вулф что-то почувствовал.

Больше всего ее расстраивало осознание того, что он ничего не почувствовал – или поцелуй его не тронул в достаточной степени, чтобы что-то о нем сказать, продолжать действовать дальше в этом направлении. Но, наверное, так даже и лучше. Гвин никогда не сможет быть счастливой, если выйдет замуж за человека с таким переменчивым характером.

А после того как такой жесткий и суровый человек узнает о ней правду (скрывать ее вечно не получится), то он в любом случае не захочет на ней жениться.

Независимо от того, какое удовольствие она получила, ей придется считать их поцелуи только общей ошибкой и ничем более.

* * *

На следующее утро, с благословения Торнстока, Джошуа занял место на козлах вместе с кучером. Вначале казалось, что его присутствие раздражает слугу, которого звали Пибоди. Он только ворчал и хмыкал в ответ на слова Джошуа.

Джошуа же никак не удавалось забыть о вчерашних поцелуях с Гвин. Он полночи проигрывал их у себя в голове, поэтому надеялся чем-то занять себя днем, чтобы прекратить о них вспоминать и не думать, почему он повел себя так безрассудно. Что на него нашло?

По меньшей мере ему следовало бы извиниться за то, что лапал ее, как какой-нибудь изголодавшийся кобель из псарни, где он разводил охотничьих собак. Вчера вечером Джошуа показалось наиболее разумным притвориться, будто ничего не случилось. По крайней мере, притвориться перед ней. Наедине с собой он не мог притворяться. Он до сих пор чувствовал запах ее лимонных духов, он все еще наслаждался, вспоминая те звуки, которые вылетали у нее изо рта и

свидетельствовали о ее удовлетворении... Он все еще чувствовал вкус ее губ, которые оказались еще мягче, чем он представлял.

После того как ему удалось подержать идеальное тело Гвин в своих объятиях, Джошуа *хотел* ее еще больше, чем раньше. Какая фигура! И Гвин, вероятно, тоже знала, что он ее хочет, и почти точно использует это, чтобы крутить им так, как захочет она. Проклятье!

К огромному облегчению, Джошуа Пибоди решил заговорить именно в эту минуту:

– Его светлость сказал, что вы хотели ехать здесь, на козлах, потому что на дороге нас могут поджидать разбойники. Но я сказал его светлости, что у меня есть моя Браун Бесс⁶ – как раз для таких случаев. – С этими словами он протянул руку за спину и похлопал по торчавшему там стволу, похоже, мушкета. – Я сам в состоянии прекрасно справиться с любыми разбойниками с большой дороги и всеми другими негодяями. Так что вам, майор, не нужно себя утруждать. Зачем вам лишние проблемы?

Раньше Джошуа не приходило в голову, что Пибоди может не понравиться его присутствие рядом с ним на козлах,

⁶ Браун Бесс – прозвище, под которым получили известность британское ружье образца 1722 года и его более поздние модели. Официальное название: «Мушкет сухопутного образца». Оно было на вооружении в британской пехоте более ста лет. Есть несколько версий происхождения прозвища, которое переводится как «Буря Бесс», наиболее распространенная, связана с цветом оружия. – *Прим. переводчика.*

он посчитает это вмешательством в его дела. Но теперь, подумав, он это понял.

– Это не проблема. Если честно, то я предпочитаю путешествовать здесь, причем в любую погоду – ветер, дождь, не важно. В карете душно, да и компания из герцогини, герцога и его сестры – не для меня, простого солдата.

Кучер какое-то время переваривал услышанное.

– Знаете, я ведь сам когда-то служил, – наконец сказал он, и Джошуа показалось, что его негодование из-за навязанного пассажира немного ослабло.

– Я не знал. Вы служили в армии или во флоте?

– В армии. Я был сержантом в девятнадцатом пехотном полку, пока не получил заряд крупной картечи в грудь и плечо и чуть не умер.

– Похоже, что вы в конце концов оправились после этого ранения, – заметил Джошуа. – У вас, должно быть, крепкое телосложение.

Пибоди пожал плечами:

– Грудь меня беспокоит время от времени, в особенности зимой. Но, по крайней мере, я не лишился ни одной конечности.

«И не получил ранения, оправиться от которого невозможно», – подумал Джошуа.

Кучер поудобнее устроился на козлах и спросил:

– Вы служили в морской пехоте, да?

– Все еще числюсь в ней.

– А, значит, на половинном окладе. Вам повезло.

Возможность остаться на половинном окладе была только у офицеров – они могли выбрать этот вариант и остаться в соответствующем списке, так что, наверное, Джошуа *на самом деле* повезло. Он никогда не смотрел на положение дел под этим углом.

Пибоди тем временем прищелкнул языком, подгоняя лошадей.

– Мне пришлось бы тяжело, если бы его светлость не взял меня на эту работу. Он – хороший человек. Для герцога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.